

СБОРНИК

СКАЗКИ

НАРОДОВ

МИРА

Классика в школе (Эксмо)

Сборник
Сказки народов мира

«Public Domain»

УДК 398.21
ББК 82.3(0)-6

Сборник

Сказки народов мира / Сборник — «Public Domain»,
— (Классика в школе (Эксмо))

ISBN 978-5-699-86799-8

В книгу включены сказки народов мира (французские, итальянские, японские и другие), изучаемые в начальной школе.

УДК 398.21
ББК 82.3(0)-6

ISBN 978-5-699-86799-8

© Сборник
© Public Domain

Содержание

Аладдин и волшебная лампа	6
Бедняк и братья-Ветры	19
Великан Дреглин Хогни	25
Волк, улитка и осы	28
Волшебный колодец	29
Два брата	33
Джамхух – сын оленя	35
Жадная мельничиха	41
Журавлиные перья	43
Золотой кувшин	46
Как осел проглотил луну	48
Клубок шерсти	50
Лесной человек Яг-Морт	51
Мороз и Морозец	56
Обезьянье царство	57
Ох	62
Перевозчик	66
Сказка о змее и Шиваре	67
Сказка про бедного сапожника	71
Соловей	74
Три желания	76
Хитрый Петр и змей	78
Хромая Молли	81
Черепашка и скорпион	84
Черная лисица	86

Сказки народов мира (сборник)

© Маркова В., наследники, 2016

© Любарская А., наследники, 2016

© Салье М., наследники, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

Аладдин и волшебная лампа

Арабская сказка из «Тысячи и одной ночи» (Пересказ М. Салье)

В одном персидском городе жил бедный портной Хасан. У него были жена и сын по имени Аладдин. Когда Аладдину исполнилось десять лет, отец его сказал:

– Пусть мой сын будет портным, как я, – и начал учить Аладдина своему ремеслу.

Но Аладдин не хотел ничему учиться. Как только отец выходил из лавки, Аладдин убегал на улицу играть с мальчишками. С утра до вечера они бегали по городу, гоняли воробьев или забирались в чужие сады и набивали себе животы виноградом и персиками.

Портной и уговаривал сына, и наказывал, но все без толку. Скоро Хасан заболел с горя и умер. Тогда его жена продала все, что после него осталось, и стала прясть хлопок и продавать пряжу, чтобы прокормить себя и сына.

Так прошло много времени. Аладдину исполнилось пятнадцать лет. И вот однажды, когда он играл на улице с мальчишками, к ним подошел человек в красном шелковом халате и большой белой чалме. Он посмотрел на Аладдина и сказал про себя: «Вот тот мальчик, которого я ищу. Наконец-то я нашел его!»

Этот человек был магрибинец – житель Магриба. Он подозвал одного из мальчиков и расспросил его, кто такой Аладдин, где живет. А потом он подошел к Аладдину и сказал:

– Не ты ли сын Хасана, портного?

– Я, – ответил Аладдин. – Но только мой отец давно умер.

Услышав это, магрибинец обнял Аладдина и стал громко плакать.

– Знай, Аладдин, я твой дядя, – сказал он. – Я долго пробыл в чужих землях и давно не видел моего брата. Теперь я пришел в ваш город, чтобы повидать Хасана, а он умер! Я сразу узнал тебя, потому что ты похож на отца.

Потом магрибинец дал Аладдину два золотых и сказал:

– Отдай эти деньги матери. Скажи ей, что твой дядя вернулся и завтра придет к вам ужинать. Пусть она приготовит хороший ужин.

Аладдин побежал к матери и рассказал ей все.

– Ты что, смеешься надо мной?! – сказала ему мать. – Ведь у твоего отца не было брата. Откуда же у тебя вдруг взялся дядя?

– Как это ты говоришь, что у меня нет дяди! – закричал Аладдин. – Он дал мне эти два золотых. Завтра он придет к нам ужинать!

На другой день мать Аладдина приготовила хороший ужин. Аладдин с утра сидел дома, ожидал дядю. Вечером в ворота постучали. Аладдин бросился открывать. Вошел магрибинец, а за ним слуга, который нес на голове большое блюдо со всякими сладостями. Войдя в дом, магрибинец поздоровался с матерью Аладдина и сказал:

– Прошу тебя, покажи мне место, где сидел за ужином мой брат.

– Вот здесь, – сказала мать Аладдина.

Магрибинец принялся громко плакать. Но скоро он успокоился и сказал:

– Не удивляйся, что ты меня никогда не видела. Я уехал отсюда сорок лет назад. Я был в Индии, в арабских землях и в Египте. Я путешествовал тридцать лет. Наконец мне захотелось вернуться на родину, и я сказал самому себе: «У тебя есть брат. Он, может быть, беден, а ты до сих пор ничем не помог ему! Поезжай к своему брату и посмотри, как он живет». Я ехал много дней и ночей и наконец нашел вас. И вот я вижу, что хотя мой брат и умер, но после него остался сын, который будет зарабатывать ремеслом, как его отец.

– Как бы не так! – сказала мать Аладдина. – Я никогда не видела такого бездельника, как этот скверный мальчишка. Хоть бы ты заставил его помогать матери!

– Не горюй, – ответил магрибинец. – Завтра мы с Аладдином пойдем на рынок, я куплю ему красивый халат и отдам его в ученье к купцу. А когда он научится торговать, я открою для него лавку, он сам станет купцом и разбогатеет... Хочешь быть купцом, Аладдин?

Аладдин весь покраснел от радости и кивнул головой.

Когда магрибинец ушел домой, Аладдин сразу лег спать, чтобы скорее пришло утро. Едва рассвело, он вскочил с постели и выбежал за ворота встречать дядю. Магрибинец вскоре пришел. Прежде всего они с Аладдином отправились в баню. Там Аладдина хорошенько вымыли, обрили ему голову и напоили розовой водой с сахаром. После этого магрибинец повел Аладдина в лавку, и Аладдин выбрал себе самую дорогую и красивую одежду: желтый шелковый халат с зелеными полосами, красную шапку и высокие сапоги.

Они с магрибинцем обошли весь рынок, а потом пошли за город, в лес. Был уже полдень, а Аладдин с утра ничего не ел. Он очень проголодался и устал, но ему было стыдно признаться в этом.

Наконец он не выдержал и спросил своего дядю:

– Дядя, а когда мы будем обедать? Здесь ведь нет ни одной лавки, а ты ничего не взял с собой из города. У тебя в руках только один пустой мешок.

– Видишь вон там, впереди, высокую гору? – сказал магрибинец. – Я хотел отдохнуть и закусить под этой горой. Но если ты очень голоден, можно пообедать и здесь.

– Откуда же ты возьмешь обед? – удивился Аладдин.

– Увидишь, – сказал магрибинец.

Они уселись под высоким густым деревом, и магрибинец спросил Аладдина:

– Чего бы тебе хотелось сейчас поесть?

Мать Аладдина каждый день варила к обеду одно и то же блюдо – бобы с конопляным маслом. Аладдину так хотелось есть, что он сразу ответил:

– Дай мне вареных бобов с маслом!

– А не хочешь ли ты жареных цыплят? – спросил магрибинец.

– Хочу! – обрадовался Аладдин.

– Не хочется ли тебе рису с медом? – продолжал магрибинец.

– Хочется! – закричал Аладдин. – Всего хочется! Но откуда ты возьмешь все это, дядя?

– Из этого мешка, – сказал магрибинец и развязал мешок.

Аладдин с любопытством заглянул в мешок, но там ничего не было.

– Где же цыплята? – спросил Аладдин.

– Вот! – сказал магрибинец. Он засунул руку в мешок и вынул оттуда блюдо с жареными цыплятами. – А вот и рис с медом, и вареные бобы, вот и виноград, и гранаты, и яблоки!

Магрибинец стал вынимать из мешка одно кушанье за другим, а Аладдин, широко раскрыв глаза, смотрел на волшебный мешок.

– Ешь, – сказал магрибинец Аладдину. – В этом мешке есть всякие кушанья. Опустив в него руку и скажи: «Хочу баранины, халвы, фиников», и все это у тебя будет.

– Вот так чудо! – сказал Аладдин. – Хорошо бы моей матери иметь такой мешок!

– Если будешь меня слушаться, – сказал магрибинец, – я подарю тебе много хороших вещей. А теперь выпьем гранатового соку с сахаром и пойдем дальше.

– Куда? – спросил Аладдин. – Я устал, и уже поздно. Пора домой.

– Нет, – сказал магрибинец, – нам нужно дойти сегодня вон до той горы. А когда мы вернемся домой, я подарю тебе этот волшебный мешок.

Аладдину очень не хотелось идти, но, услышав про мешок, он тяжело вздохнул и сказал:

– Хорошо, идем.

Магрибинец взял Аладдина за руку и повел к горе. Солнце уже закатилось, и было почти темно. Они шли очень долго и наконец пришли к подножию горы. Аладдину было страшно, он чуть не плакал.

– Набери тонких и сухих сучьев, – сказал магрибинец. – Надо развести костер. Когда он разгорится, я покажу тебе что-то такое, чего никто никогда не видел.

Аладдину очень захотелось увидеть то, чего никто никогда не видел. Он забыл про усталость и пошел собирать хворост.

Когда костер разгорелся, магрибинец вынул из-за пазухи коробочку и две дощечки и сказал:

– О Аладдин, я хочу сделать тебя богатым и помочь тебе и твоей матери. Исполни же все, что я тебе скажу.

Он раскрыл коробочку и высыпал из нее в огонь какой-то порошок. И сейчас же из костра поднялись к небу огромные столбы пламени – желтые, красные и зеленые.

– Слушай внимательно, Аладдин, – сказал магрибинец. – Сейчас я начну читать над огнем заклинания, а когда я кончу, земля предо мной расступится, и ты увидишь большой камень с медным кольцом. Возьмись за кольцо и подними камень. Под камнем будет лестница, которая ведет в подземелье. Спустись по ней и увидишь дверь. Открой эту дверь и иди вперед. Ты встретишь страшных зверей и чудовищ, но не бойся: как только ты дотронешься до них рукой, чудовища упадут мертвыми. Ты пройдешь три комнаты, а в четвертой увидишь старуху. Она ласково заговорит с тобой и захочет тебя обнять. Не позволяй ей до себя дотронуться, иначе ты превратишься в черный камень. За четвертой комнатой ты увидишь большой сад. Пройди его и открой дверь на другом конце сада. За этой дверью будет большая комната, полная золота и драгоценных камней. Возьми оттуда все, что хочешь, а мне принеси только старую медную лампу, которая висит на стене, в правом углу. Когда ты принесешь мне лампу, я подарю тебе волшебный мешок. А на обратном пути тебя будет охранять от всех бед вот это кольцо.

И он надел на палец Аладдину маленькое блестящее колечко.

Услышав о страшных зверях и чудовищах, Аладдин очень испугался.

– Дядя, – спросил он магрибинца, – почему ты сам не хочешь спуститься под землю? Иди сам за своей лампой, а меня отведи домой.

– Нет, нет, Аладдин, – сказал магрибинец, – никто, кроме тебя, не может пройти в сокровищницу. Клад лежит под землей уже много сотен лет, и достанется он только мальчику по имени Аладдин, сыну портного Хасана. Слушайся меня, а не то тебе будет плохо!

Аладдин испугался еще больше и сказал:

– Ну хорошо, я принесу тебе лампу, но только смотри, подари мне мешок!

– Подарю! Подарю! – закричал магрибинец.

Он подбросил в огонь еще порошок и начал читать заклинания. Он читал все громче и громче, и когда наконец выкрикнул последнее слово, раздался оглушительный грохот и земля расступилась перед ними.

– Поднимай камень! – закричал магрибинец страшным голосом.

Аладдин увидел у своих ног большой камень с медным кольцом. Он обеими руками ухватился за кольцо, потянул к себе камень и легко поднял его. Под камнем была большая круглая яма, а в глубине ее виднелась узкая лестница. Аладдин сел на край ямы и спрыгнул на первую ступеньку лестницы.

– Ну, иди и возвращайся скорее! – крикнул магрибинец.

Аладдин быстро пошел вниз. Чем ниже он спускался, тем темнее становилось вокруг, но он, не останавливаясь, шел вперед.

Дойдя до последней ступеньки, Аладдин увидел широкую железную дверь. Толкнув ее, он вошел в большую полутемную комнату и вдруг увидел посреди комнаты странного негра

в тигровой шкуре. Негр молча бросился на Аладдина, но Аладдин дотронулся до него рукой, и он упал на землю мертвым.

Аладдину было очень страшно, но он пошел дальше. Он толкнул вторую дверь и невольно отскочил: перед ним стоял огромный лев с оскаленной пастью. Лев припал всем телом к земле и прыгнул прямо на Аладдина. Но едва его передняя лапа задела голову мальчика, как лев упал на землю мертвым.

Аладдин от испуга весь вспотел, но все-таки пошел дальше. Он открыл третью дверь и услышал страшное шипение: посреди комнаты, свернувшись клубком, лежали две огромных змеи. Они подняли головы и, высунув длинные жала, медленно поползли к Аладдину. Но как только змеи коснулись руки Аладдина своими жалами, их сверкающие глаза потухли и они растянулись на земле мертвыми.

Дойдя до четвертой двери, Аладдин осторожно приоткрыл ее. Он просунул в дверь голову и увидел, что в комнате нет никого, кроме маленькой старушки, с головы до ног закутанной в покрывало. Увидев Аладдина, она бросилась к нему и закричала:

– Наконец-то ты пришел, Аладдин, мой мальчик! Как долго я ждала тебя в этом темном подземелье!

Аладдин протянул к ней руки: ему показалось, что это его мать. Он хотел уже обнять ее, но вовремя вспомнил, что если он до нее дотронется, то превратится в черный камень. Он отскочил назад и захлопнул за собой дверь. Подождав немного, он снова приоткрыл ее и увидел, что в комнате уже никого нет.

Аладдин прошел через эту комнату и открыл пятую дверь. Перед ним был прекрасный сад с густыми деревьями и душистыми цветами. На деревьях громко щебетали маленькие пестрые птички. Они не могли далеко улететь: им мешала тонкая золотая сетка, протянутая над садом. Все дорожки были усыпаны круглыми сверкающими камешками.

Аладдин бросился собирать камешки. Он запихивал их за пояс, за пазуху, в шапку. Он очень любил играть в камешки с мальчишками.

Камни так понравились Аладдину, что он чуть не забыл про лампу. Но когда камни некуда было больше класть, он вспомнил про нее и пошел в сокровищницу. Это была последняя комната в подземелье, самая большая. Там лежали кучи золота, серебра и драгоценностей. Но Аладдин даже не посмотрел на них: он не знал цены золоту и дорогим вещам. Он взял только лампу и засунул ее в карман. Затем он пошел обратно к выходу и с трудом взобрался вверх по лестнице. Дойдя до последней ступеньки, он крикнул:

– Дядя, протяни мне руку и возьми мою шапку с камешками, а потом вытащи меня наверх: мне самому не выбраться!

– Дай мне сначала лампу! – сказал магрибинец.

– Я не могу ее достать, она под камнями, – ответил Аладдин. – Помоги мне выйти, и я дам тебе ее.

Но магрибинец не хотел помочь Аладдину. Он хотел получить лампу, а потом бросить Аладдина в подземелье, чтобы никто не узнал хода в сокровищницу. Он начал упрашивать Аладдина, но Аладдин ни за что не соглашался отдать ему лампу. Он боялся растерять камешки в темноте и хотел скорее выбраться на землю.

Когда магрибинец увидел, что Аладдин не хочет отдать ему лампу, он страшно рассердился и закричал:

– Ах, так ты не отдашь мне лампу? Оставайся в подземелье и умри с голоду!

Он бросил в огонь остаток порошка из коробочки, произнес какие-то слова – и вдруг камень сам закрыл отверстие, и земля сомкнулась над Аладдином.

Этот магрибинец был вовсе не дядя Аладдина: он был злой волшебник и хитрый колдун. Он узнал, что в Персии лежит под землей клад и открыть этот клад может только мальчик Аладдин – сын портного Хасана. Самое лучшее из всех сокровищ клада – это волшебная лампа.

Она дает тому, кто возьмет ее в руки, такое могущество и богатство, какого нет ни у одного царя.

Долго колдовал магрибинец, пока не узнал, где живет Аладдин, и не нашел его.

И вот теперь, когда лампа так близко, этот скверный мальчишка не хочет отдать ее! А ведь если он выйдет на землю, он может привести сюда других людей, которые тоже захотят завладеть кладом.

Пусть же клад не достанется никому! Пусть погибнет Аладдин в подземелье!

И магрибинец ушел обратно в свою волшебную страну Ифрикию.

Когда земля сомкнулась над Аладдином, он громко заплакал и закричал:

– Дядя, помоги мне! Дядя, выведи меня отсюда, я здесь умру!

Но никто его не слышал и не ответил ему. Аладдин понял, что этот человек, который называл себя его дядей, – обманщик и лгун. Он побежал вниз по лестнице, чтобы посмотреть, нет ли другого выхода из подземелья, но все двери сразу исчезли, и выход в сад тоже был закрыт.

Аладдин сел на ступеньки лестницы, опустил голову на руки и заплакал.

Но как только он случайно коснулся лбом кольца, которое магрибинец надел ему на палец, когда спускал его в подземелье, земля задрожала, и перед Аладдином появился страшный джинн огромного роста. Голова его была как купол, руки – как вилы, ноги – как столбы, а рот – как пещера. Глаза его метали искры, а посреди лба торчал громадный рог.

– Чего ты хочешь? – спросил джинн громовым голосом. – Требуй – получишь!

– Кто ты? Кто ты? – закричал Аладдин, закрывая себе лицо руками, чтобы не видеть страшного джинна. – Пощади меня, не убивай меня!

– Я Дахнаш, глава всех джинов, – ответил джинн. – Я раб кольца и раб того, кто владеет кольцом. Я исполню все, что прикажет мой господин.

Аладдин вспомнил о кольце, которое должно было его защитить, и сказал:

– Подними меня на поверхность земли.

Не успел он договорить эти слова, как очутился наверху, около входа в подземелье.

Уже настал день, и солнце ярко светило. Со всех ног побежал Аладдин в свой город. Когда он вошел в дом, его мать сидела посреди комнаты и горько плакала. Она думала, что ее сына уже нет в живых. Едва Аладдин захлопнул за собой дверь, как упал без чувств от голода и усталости. Мать побрызгала ему в лицо водой, а когда он очнулся, спросила:

– Где ты пропадал и что с тобой случилось? Где твой дядя и почему ты вернулся без него?

– Это вовсе не мой дядя, это злой колдун, – сказал Аладдин слабым голосом. – Я все расскажу тебе, матушка, но только сперва дай мне поесть.

Мать накормила Аладдина вареными бобами – даже хлеба у нее не было! – и потом сказала:

– А теперь расскажи мне, что с тобой случилось.

– Я был в подземелье и нашел там чудесные камни, – сказал Аладдин и рассказал матери все, что с ним было.

Потом он заглянул в миску, где были бобы, и спросил:

– Нет ли у тебя еще чего-нибудь поесть, матушка?

– Нет у меня ничего, дитя мое. Ты съел все, что я сварила и на сегодня, и на завтра. Я так беспокоилась о тебе, что совсем не могла работать, и у меня нет пряжи, чтобы продать ее на рынке.

– Не горюй, матушка, – сказал Аладдин. – У меня есть лампа, которую я взял в подземелье. Правда, она старая, но ее все-таки можно продать.

Он вынул лампу и подал ее матери. Мать взяла ее, осмотрела и сказала:

– Пойду почищу ее и снесу на рынок. Может быть, за нее дадут столько, что нам хватит на ужин.

Она взяла тряпку и кусок мела и вышла во двор. Но как только она начала тереть лампу тряпкой, земля вдруг задрожала и появился ужасный джинн.

Мать Аладдина закричала и упала без памяти. Аладдин услышал крик. Он выбежал во двор и увидел, что мать лежит на земле, лампа валяется с ней рядом, а посреди двора стоит джинн такого огромного роста, что головы его не видно, а туловище заслоняет собой солнце.

Как только Аладдин поднял лампу, раздался громовой голос джинна:

– О владыка лампы, я к твоим услугам! Приказывай – получишь!

Аладдин уже начал привыкать к джиннам и не слишком испугался. Он поднял голову и крикнул как можно громче, чтобы джинн его услышал:

– Кто ты, о джинн, и что ты можешь делать?

– Я Маймун Шамхураша! Я раб лампы и раб того, кто владеет лампой, – ответил джинн. – Требуй от меня чего хочешь. Если тебе угодно, чтобы я разрушил город или построил дворец, – приказывай!

Когда он заговорил, мать Аладдина пришла в себя. Увидя джинна, она снова закричала от ужаса. Но Аладдин приставил руку ко рту и крикнул:

– Принеси мне две жареные курицы да еще что-нибудь хорошее и потом убирайся, а то моя мать тебя боится!

Джинн исчез и скоро принес стол, покрытый прекрасной скатертью. На нем стояло двенадцать золотых блюд со всевозможными вкусными кушаньями и два кувшина с водой.

Аладдин с матерью начали есть и ели, пока не насытились.

– О матушка, – сказал Аладдин, когда они поели, – эту лампу надо беречь и никому не показывать. Она принесет нам счастье и богатство.

– Делай как знаешь, – сказала мать, – но только я не хочу больше видеть этого страшного джинна.

Через несколько дней Аладдину с матерью опять стало нечего есть. Тогда Аладдин взял золотое блюдо, пошел на рынок и продал его за сто золотых.

С этих пор Аладдин каждый месяц ходил на рынок и продавал по одному блюду. Он узнал цену дорогим вещам и понял, что каждый камешек, который он подобрал в подземном саду, стоит дороже, чем любой драгоценный камень, какой можно найти на земле.

Однажды утром, когда Аладдин был на рынке, вышел на площадь глашатай и закричал:

– Заприте лавки и войдите в дома! Пусть никто не смотрит из окон! Сейчас царевна Будур, дочь султана, пойдет в баню, и никто не должен видеть ее!

Купцы бросились запирать лавки, а народ, толкаясь, побежал с площади.

Аладдину очень захотелось поглядеть на царевну. Все в городе говорили, что красивее ее нет девушки на свете. Аладдин быстро прошел в баню и спрятался за дверь так, что никто не мог его увидеть.

Вся площадь вдруг опустела. Скоро вдали показалась толпа девушек на серых мулах под золотыми седлами. А посреди них медленно ехала девушка, одетая пышнее и наряднее всех других и самая красивая. Это и была царевна Будур.

Она слезла с мула и, пройдя в двух шагах от Аладдина, вошла в баню. А Аладдин побрел домой, тяжело вздыхая. Он не мог забыть о красоте царевны Будур.

«Правду говорят, что она красивее всех девушек, – думал он. – Если я не женюсь на ней, я умру».

Придя домой, он бросился в постель и пролежал до вечера. Когда мать спрашивала его, что с ним, он только махал на нее рукой. Наконец она так пристала к нему, что он не выдержал и сказал:

– О матушка, я хочу жениться на царевне Будур! Пойди к султану и попроси его выдать Будур за меня замуж.

– Что ты говоришь! – воскликнула старуха. – Тебе, наверное, напекло солнцем голову! Разве слыхано, чтобы сыновья портных женились на дочерях султанов? Поужинай лучше и усни. Завтра ты и думать не станешь о таких вещах.

– Не хочу ужинать! Хочу жениться на царевне Будур! – закричал Аладдин. – Пожалуйста, матушка, походи к султану и посватай меня!

– Я еще не сошла с ума, чтобы идти к султану с такой просьбой, – сказала мать Аладдина. Но Аладдин упрашивал ее до тех пор, пока она не согласилась.

– Ну хорошо, сынок, я пойду, – сказала она. – Но ты ведь знаешь, что к султану не приходят с пустыми руками. А что я могу ему принести хорошего?

Аладдин вскочил с постели и весело крикнул:

– Не беспокойся об этом, матушка! Возьми одно из золотых блюд и наполни его драгоценными камнями, которые я принес из подземного сада. Это будет хороший подарок султану. У него, наверно, нет таких камней, как мои.

Аладдин схватил самое большое блюдо и доверху наполнил его драгоценными камнями. Его мать взглянула на них и закрыла глаза рукой: так ярко сверкали эти камни.

– С таким подарком, пожалуй, не стыдно идти к султану, – сказала она. – Не знаю только, повернется ли у меня язык сказать то, о чем ты просишь. Но я наберусь смелости и попробую.

– Попробуй, матушка, – сказал Аладдин. – Иди поскорее!

Мать Аладдина покрыла блюдо тонким шелковым платком и пошла ко дворцу султана.

«Как я буду говорить с султаном о таком деле? – думала она. – Кто мы такие, чтобы свататься к дочери султана? Я простая женщина, а мой муж был бедняком, и вдруг Аладдин хочет стать зятем великого султана! Нет, не хватит у меня смелости просить об этом. Конечно, султану, может быть, и понравятся наши драгоценные камни, но у него их, наверно, и так много. Хорошо, если меня только поколотят и выгонят из дивана. Лишь бы не засадили в подземелье».

Так она говорила про себя, направляясь в диван султана по улицам города. Прохожие с удивлением смотрели на старуху в дырявом платье, которую никто до сих пор не видел около дворца султана. Мальчишки прыгали вокруг и дразнили ее, но старуха ни на кого не обращала внимания.

Она была так бедно одета, что привратники у ворот дворца попробовали даже не пустить ее в диван. Но старуха сунула им монету и проскользнула во двор.

Скоро она пришла в диван и стала в самом дальнем углу. Было еще рано, и в диване никого не было. Но понемногу он наполнился вельможами и знатными людьми в пестрых халатах. Султан пришел позже всех, окруженный неграми с мечами в руках. Он сел на трон и начал разбирать дела и принимать жалобы. Самый высокий раб стоял с ним рядом и отгонял от него мух большим павлиньим пером.

Когда все дела были кончены, султан махнул платком – это означало: «Конец!» – и ушел, опираясь на плечи негров.

А мать Аладдина вернулась домой, так и не сказав султану ни слова.

На другой день она опять пошла в диван и снова ушла, ничего не сказав султану. Она пошла и на следующий день – и скоро привыкла каждый день ходить в диван.

Наконец султан заметил ее и спросил своего визиря:

– Кто эта старая женщина и зачем она приходит сюда? Спроси, что ей нужно, и я исполню ее просьбу.

Визирь подошел к матери Аладдина и крикнул:

– Эй, старуха, подойди сюда! Если у тебя есть какая-нибудь просьба, султан ее исполнит.

Мать Аладдина задрожала от страха и чуть не выронила из рук блюдо. Визирь подвел ее к султану, и она низко поклонилась ему, а султан спросил ее:

– Почему ты каждый день приходишь сюда и ничего не говоришь? Скажи, что тебе нужно?

Мать Аладдина еще раз поклонилась и сказала:

– О владыка султан! Мой сын Аладдин шлет тебе в подарок эти камни и просит тебя отдать ему в жены твою дочь, царевну Будур.

Она сдернула с блюда платок, и весь диван осветился – так засверкали камни.

– О визирь! – сказал султан. – Видел ли ты когда-нибудь такие камни?

– Нет, о владыка султан, не видал, – отвечал визирь.

Султан очень любил драгоценности, но у него не было ни одного камня, подобного тем, которые прислал ему Аладдин.

Султан сказал:

– Я думаю, что человек, у которого есть такие камни, может быть мужем моей дочери. Как ты думаешь, визирь?

Когда визирь услышал эти слова, он позавидовал Аладдину великой завистью: у него был сын, которого он хотел женить на царевне Будур, и султан уже обещал ему выдать Будур замуж за его сына.

– О владыка султан, – сказал визирь, – не следует отдавать царевну за человека, которого ты даже не знаешь. Может быть, у него ничего нет, кроме этих камней. Пусть он подарит тебе еще сорок таких же блюд, наполненных драгоценными камнями, и сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять. Тогда мы узнаем, богат он или нет.

А про себя визирь подумал: «Невозможно, чтобы кто-нибудь мог все это добыть! Аладдин будет бессилён это сделать, и султан не отдаст за него свою дочь».

– Ты хорошо придумал, визирь! – закричал султан и сказал матери Аладдина: – Ты слышала, что говорит визирь? Иди и передай твоему сыну: если он хочет жениться на моей дочери, пусть присылает сорок золотых блюд с такими же камнями, сорок невольниц и сорок рабов.

Мать Аладдина поклонилась и вернулась домой. Увидя, что у матери нет в руках блюда, Аладдин сказал:

– О матушка, я вижу, ты сегодня говорила с султаном. Что же он ответил тебе?

– Ах, дитя мое, лучше бы мне не ходить к султану и не говорить с ним! – ответила старуха. – Послушай только, что он мне сказал...

И она передала Аладдину слова султана. Но Аладдин засмеялся от радости и воскликнул:

– Успокойся, матушка, это самое легкое дело!

Он взял лампу и потер ее. Когда мать увидела это, она бегом бросилась в кухню, чтобы не видеть джинна. А джинн тотчас появился и сказал:

– О господин, я к твоим услугам. Чего ты хочешь? Требуй – получишь!

– Мне нужно сорок золотых блюд, полных драгоценных камней, сорок невольниц, чтобы нести эти блюда, и сорок рабов, чтобы их охранять, – сказал Аладдин.

– Будет исполнено, о господин, – ответил Маймун, раб лампы. – Может быть, ты хочешь, чтобы я разрушил город или построил дворец? Приказывай!

– Нет, сделай то, что я тебе сказал, – ответил Аладдин.

И раб лампы скрылся.

Скоро он появился снова. За ним шли сорок прекрасных невольниц. Каждая держала на голове золотое блюдо с драгоценными камнями, а за невольницами шли рослые, красивые рабы с обнаженными мечами в руках.

– Вот то, что ты требовал, – сказал джинн и скрылся.

Тогда мать Аладдина вышла из кухни и осмотрела рабов и невольниц. Потом, радостная и гордая, она повела их ко дворцу султана.

Весь народ сбегался посмотреть на это шествие. Стража во дворце застыла от изумления, когда увидела этих рабов и невольниц.

Мать Аладдина привела их прямо к султану. Все они поцеловали землю перед султаном и, сняв блюда с головы, поставили их в ряд.

– О визирь, – сказал султан, – каково твое мнение? Разве не достоин тот, кто имеет такое богатство, стать мужем моей дочери, царевны Будур?

– Достоин, о владыка! – отвечал визирь, тяжело вздыхая.

– Пойди и передай твоему сыну, – сказал султан матери Аладдина, – что я принял его подарок и согласен выдать за него замуж царевну Будур. Пусть он придет ко мне: я хочу с ним познакомиться.

Мать Аладдина торопливо поклонилась султану и побежала домой так быстро, что ветер не мог бы за ней угнаться. Она прибежала к Аладдину и закричала:

– Радуйся, сынок! Султан принял твой подарок и согласен, чтобы ты стал мужем царевны! Он сказал это при всех! Иди сейчас же во дворец: султан хочет с тобой познакомиться.

– Сейчас я пойду к султану, – сказал Аладдин. – А теперь уходи: я буду разговаривать с джинном.

Аладдин взял лампу, потерял ее, и тотчас же явился Маймун, раб лампы. Аладдин сказал ему:

– Приведи мне сорок восемь белых невольников: это будет моя свита. И пусть двадцать четыре невольника идут впереди меня, а двадцать четыре – сзади. И еще доставь мне тысячу золотых и самого лучшего коня.

– Будет исполнено, – сказал джинн и скрылся.

Он достал все, что велел ему Аладдин, и спросил:

– Чего ты хочешь еще? Не хочешь ли ты, чтобы я разрушил город или построил дворец? Я все могу.

– Нет, пока не надо, – сказал Аладдин.

Он вскочил на коня и поехал к султану. На рыночной площади, где было много народу, Аладдин достал из мешка горсть золота и бросил его в толпу. Все кинулись ловить и подбирать монеты, а Аладдин бросал и бросал золото, пока его мешок не опустел. Он подъехал ко дворцу, и все вельможи и приближенные султана встретили его у ворот и проводили в диван. Султан поднялся ему навстречу и сказал:

– Добро пожаловать, Аладдин! Я слышал, что ты хочешь жениться на моей дочери? Я согласен. Все ли ты приготовил к свадьбе?

– Нет еще, о владыка султан, – ответил Аладдин. – Я не выстроил для царевны Будур дворца.

– А когда же будет свадьба? – спросил султан. – Ведь дворец скоро не выстроишь.

– Не беспокойся, султан, – сказал Аладдин. – Подожди немного.

– А где ты собираешься построить дворец? – спросил султан. – Не хочешь ли ты выстроить его перед моими окнами, вот на этом пустыре?

– Как тебе будет угодно, султан, – ответил Аладдин.

Он простился с султаном и уехал домой вместе со всей своей свитой.

Дома он взял лампу, потерял ее и, когда появился джинн Маймун, сказал ему:

– Построй мне дворец, да такой, какого еще не было на земле! Можешь ты это сделать?

– Могу! – воскликнул джинн голосом, подобным грому. – К завтрашнему утру будет готово.

И в самом деле: на следующее утро среди пустыря возвышался великолепный дворец. Стены его были сложены из золотых и серебряных кирпичей, а крыша была алмазная. Аладдин обошел все комнаты и сказал Маймуну:

– Знаешь, Маймун, я придумал одну шутку. Сломай вот эту колонну, и пусть султан думает, что мы забыли ее поставить. Он захочет построить ее сам и не сможет этого сделать. Тогда он увидит, что я сильнее и богаче его.

– Хорошо, – сказал джинн и махнул рукой.

Колонна тотчас исчезла, как будто ее и не было.

– Теперь, – сказал Аладдин, – я пойду и приведу сюда султана.

А султан утром подошел к окну и увидел дворец, который так блестел и сверкал, что на него было больно смотреть. Султан приказал позвать визиря и показал ему дворец.

– Ну, визирь, что скажешь? – спросил он. – Достоин ли быть мужем моей дочери тот, кто в одну ночь построил такой дворец?

– О владыка султан! – закричал визирь. – Разве ты не видишь, что этот Аладдин – колдун? Берегись, как бы он не отобрал у тебя твое царство!

– Ты говоришь все это из зависти, – сказал ему султан.

В это время вошел Аладдин и, поклонившись султану, попросил его осмотреть дворец.

Султан с визирем обошли дворец, и султан очень восхищался его красотой. Наконец Аладдин привел гостей к тому месту, где Маймун сломал колонну. Визирь сейчас же заметил, что не хватает одной колонны, и закричал:

– Дворец не достроен! Одной колонны здесь не хватает!

– Не беда, – сказал султан. – Я сам поставлю эту колонну. Позвать сюда главного строителя!

– Лучше не пробуй, султан, – тихо сказал ему визирь, – тебе это не под силу. Посмотри: эти колонны такие высокие, что не видно, где они кончаются. И они сверху донизу выложены драгоценными камнями.

– Замолчи, визирь! – гордо сказал султан. – Неужели я не могу поставить одну такую колонну?

Он велел созвать всех каменотесов, какие были в городе, и отдал им свои драгоценные камни. Но их не хватило. Узнав об этом, султан рассердился и крикнул:

– Откройте главную казну, отберите у моих подданных все драгоценные камни! Неужели всего моего богатства не хватит на одну колонну?

Но через несколько дней строители пришли к султану и доложили, что камней и мрамора хватило только на четверть колонны. Султан велел отрубить им головы, но колонну все-таки не поставил. Узнав об этом, Аладдин сказал султану:

– Не печалься, султан! Колонна уже стоит на месте, и я возвратил все драгоценные камни их владельцам.

В тот же вечер султан устроил великолепный праздник по случаю свадьбы Аладдина с царевной Будур. Аладдин с женой стали жить в новом дворце.

А магрибинец вернулся к себе в Ифрикию и долго горевал и печалился. Только одно утешение осталось у него. «Раз Аладдин погиб в подземелье, значит, и лампа находится там же. Может быть, мне удастся завладеть ею без Аладдина», – думал он.

И вот однажды он захотел убедиться, что лампа цела и находится в подземелье. Он погадал на песке и увидел, что лампы в подземелье больше нет. Магрибинец испугался и стал гадать дальше. Он увидел, что Аладдин спасся из подземелья и живет в своем родном городе.

Быстро собрался магрибинец в путь и поехал через моря, горы и пустыни в далекую Персию. Долго ехал он и наконец прибыл в тот город, где жил Аладдин.

Магрибинец пошел на рынок и стал слушать, что говорят люди. На рынке только и было разговоров что об Аладдине и его дворце.

Магрибинец походил, послушал, а потом подошел к продавцу холодной воды и спросил его:

– Кто такой этот Аладдин, о котором здесь все говорят?

– Сразу видно, что ты нездешний, – ответил продавец, – иначе ты знал бы, кто такой Аладдин: это самый богатый человек во всем мире, а его дворец – настоящее чудо!

Магрибинец протянул продавцу золотой и сказал ему:

– Возьми этот золотой и окажи мне услугу. Я и вправду чужой в городе, и мне хотелось бы посмотреть на дворец Аладдина. Проводи меня к этому дворцу.

Продавец воды привел магрибинца ко дворцу и ушел, а магрибинец обошел вокруг дворца и осмотрел его со всех сторон.

«Такой дворец мог построить только джинн, раб лампы. Наверно, лампа находится в этом дворце», – подумал он.

Долго раздумывал магрибинец, как завладеть лампой, и наконец придумал.

Он пошел к меднику и сказал ему:

– Сделай мне десять медных ламп, только поскорее. Вот тебе пять золотых в задаток.

– Слушаю и повинуюсь, – ответил медник. – Приходи к вечеру, лампы будут готовы.

Вечером магрибинец получил десять новеньких медных ламп, блестящих, как золотые. Как только рассвело, он стал ходить по городу, громко крича:

– Кто хочет обменять старые лампы на новые? У кого есть старые медные лампы? Меняю на новые!

Народ толпой ходил за магрибинцем, а дети прыгали вокруг него и кричали:

– Сумасшедший, сумасшедший!

Но магрибинец не обращал на них внимания.

Наконец он пришел ко дворцу. Аладдина в это время не было дома. Он уехал на охоту, и во дворце была только его жена, царевна Будур.

Услышав крик магрибинца, Будур послала слугу узнать, в чем дело. Слуга вернулся и сказал ей:

– Это какой-то сумасшедший: он меняет новые лампы на старые.

Царевна Будур рассмеялась и сказала:

– Хорошо бы узнать, правду он говорит или обманывает. Нет ли у нас во дворце какой-нибудь старой лампы?

– Есть, госпожа, – сказала одна служанка. – Я видела в комнате господина нашего Аладдина медную лампу. Она вся позеленела и никуда не годится.

– Принеси эту лампу, – приказала Будур. – Отдай ее этому сумасшедшему, и пусть он даст нам новую.

Служанка вышла на улицу и отдала магрибинцу волшебную лампу, а взамен получила новенький медный светильник. Магрибинец очень обрадовался, что его хитрость удалась, и спрятал лампу за пазуху. Потом он купил на рынке осла и уехал. Выхав за город, магрибинец потерял лампу и, когда джинн Маймун явился, крикнул ему:

– Хочу, чтобы ты перенес дворец Аладдина и всех, кто в нем находится, в Ифрикию! И меня тоже перенеси туда!

– Будет исполнено! – сказал джинн. – Закрой глаза и открой глаза – дворец будет в Ифрикии.

– Поторопись, джинн! – сказал магрибинец.

И не успел он договорить, как увидел себя в своем саду в Ифрикии, у дворца. Вот пока все, что с ним было.

А султан проснулся утром, выглянул в окно и вдруг видит – дворец исчез. Султан протер глаза и даже ущипнул себя за руку, чтобы проснуться, но дворца нет как нет.

Султан не знал, что и подумать. Он начал громко плакать и стонать. Он понял, что с царевной Будур случилась какая-то беда. На крики султана прибежал визирь и спросил:

– Что с тобой случилось, султан? Чего ты плачешь?

– Разве ты ничего не знаешь? – закричал султан. – Ну так взгляни в окно, где дворец? Где моя дочь?

– Не знаю, о владыка! – ответил испуганный визирь.

– Привести сюда Аладдина! – закричал султан. – Я отрублю ему голову!

В это время Аладдин как раз возвращался с охоты. Слуги султана вышли на улицу и побежали к нему навстречу.

– Прости нас, Аладдин, – сказал один из них. – Султан приказал связать тебе руки, заковать тебя в цепи и привести к нему. Мы не можем послушаться султана.

– За что султан рассердился на меня? – спросил Аладдин. – Я не сделал ему ничего дурного.

Позвали кузнеца, и он заковал ноги Аладдина в цепи. Вокруг Аладдина собралась целая толпа. Жители города любили Аладдина за его доброту, и, когда узнали, что султан хочет отрубить ему голову, все сбежались ко дворцу. А султан велел привести Аладдина к себе и сказал ему:

– Правду говорит мой визирь, что ты колдун и обманщик? Где твой дворец и где моя дочь Будур?

– Не знаю, о владыка султан! – ответил Аладдин. – Я ни в чем перед тобой не виноват.

– Отрубить ему голову! – крикнул султан.

И Аладдина снова вывели на улицу, а за ним вышел палач.

Когда жители города увидели палача, они обступили Аладдина и послали сказать султану: «Если ты не помилуешь Аладдина, мы разрушим твой дворец и перебьем всех, кто в нем находится. Освободи Аладдина, а не то тебе придется плохо!»

Султан испугался, позвал Аладдина и сказал ему:

– Я пощадил тебя, потому что тебя любит народ. Но если ты не отыщешь мою дочь, я все-таки отрублю тебе голову! Даю тебе сроку сорок дней.

– Хорошо, – сказал Аладдин и ушел из города. Он не знал, куда ему идти и где искать царевну Будур, и с горя решил утопиться; дошел до большой реки и сел на берегу, грустный и печальный.

Задумавшись, он опустил в воду правую руку и вдруг почувствовал, что с его мизинца падает кольцо. Аладдин быстро подхватил кольцо и вспомнил, что это то самое колечко, которое надел ему на палец магрибинец.

Аладдин совсем забыл про это кольцо. Он потерял его, и перед ним явился джинн Дахнаш и сказал:

– О владыка кольца, я перед тобой! Чего ты хочешь? Приказывай!

– Хочу, чтобы ты перенес мой дворец на прежнее место! – сказал Аладдин.

Но джинн, слуга кольца, опустил голову и ответил:

– О господин, я не могу этого сделать! Дворец построил раб лампы, и только он один может его перенести. Потребуй от меня чего-нибудь другого.

– Если так, – сказал Аладдин, – снеси меня туда, где стоит сейчас мой дворец.

– Закрой глаза и открой глаза, – сказал джинн.

Аладдин закрыл и снова открыл глаза. И очутился в саду перед своим дворцом. Он взбежал по лестнице и увидел Будур, которая горько плакала. Увидев Аладдина, она вскрикнула и заплакала еще громче – теперь уже от радости. Она рассказала Аладдину обо всем, что с ней случилось, а затем сказала:

– Этот магрибинец много раз приходил ко мне и уговаривал меня выйти за него замуж. Но я не слушаю злого магрибинца, а все время плачу о тебе.

– А где он спрятал волшебную лампу? – спросил Аладдин.

– Он никогда с ней не расстаётся и всегда держит при себе, – ответила Будур.

– Слушай, Будур, – сказал Аладдин, – когда магрибинец опять придет к тебе, будь с ним поласковее. Попроси его поужинать с тобой и, когда он начнет есть и пить, всыпь ему в вино вот этот сонный порошок. Как только он заснет, я войду в комнату и убью его.

– Он уже скоро должен прийти, – сказала Будур. – Иди за мной, я тебя спрячу в темной комнате; а когда он уснет, я хлопну в ладоши – и ты войдешь.

Едва Аладдин успел спрятаться, как в комнату Будур вошел магрибинец. Она весело встретила его и приветливо сказала:

– О господин мой, подожди немного. Я принаряжусь, а потом мы с тобой вместе поужинаем.

Магрибинец вышел, а Будур надела свое лучшее платье и приготовила кушанья и вино. Когда колдун вернулся, Будур сказала ему:

– О господин мой, обещай мне исполнить сегодня все, что я у тебя попрошу!

– Хорошо, – сказал магрибинец.

Будур начала его угощать и поить вином. Когда он немного опьянел, она сказала ему:

– Дай мне твой кубок, я отопью из него глоток, а ты выпей из моего.

И Будур подала магрибинцу кубок вина, в которое она подсыпала сонного порошка. Магрибинец выпил его и сейчас же упал, сраженный сном, а Будур хлопнула в ладоши. Аладдин только этого и ждал. Он вбежал в комнату и, размахнувшись, отрубил мечом голову магрибинцу. А затем он вынул у него из-за пазухи лампу, потер ее, и сейчас же появился Маймун, раб лампы.

– Отнеси дворец на прежнее место! – приказал ему Аладдин.

Через мгновение дворец уже стоял напротив дворца султана. Султан в это время сидел у окна и горько плакал о своей дочери. Он сейчас же побежал во дворец своего зятя, где Аладдин с женой встретили его на лестнице, плача от радости.

Султан попросил у Аладдина прощения за то, что хотел отрубить ему голову...

Аладдин долго и счастливо жил в своем дворце вместе с женой и матерью, пока не пришла к ним всем смерть.

Бедняк и братья-Ветры

Карельская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил-был в одной деревне мужичок, Никитой звали. Сословия бедного, в погребе у него пусто, в кладовых – чисто, а детей – полон дом: Оленка – в пеленках, Архипка – в зыбке, Петрушка – на подушке, Варюшка – у кадушки, Алешка – у окошка, Сережка – на порожке.

Вот прошло время – не стало у мужика ни хлеба, ни соли. Нечем детей кормить.

Думает мужик: «Пойду-ка я к брату, может, даст немного муки».

А брат у него богатый был – отсыпал с полпуда муки и говорит:

– На, бери, летом вдвое отработаешь.

Пошел бедняк домой. Вдруг подул ветер и всю муку по полю развеял.

Заплакал мужик:

– Чем я теперь ребят накормлю?..

Приходит он домой и говорит жене:

– Дал мне брат полпуда муки, а ветер все до последней пылинки развеял. Только я этого дела так не оставлю. Пойду разыщу ветер, пусть отдает муку. А не то в суд на него подам.

Собрался и пошел искать ветра в поле.

А в поле тихо-тихо, ветра и не слышать, и не видать.

Шел Никита, шел, и привела его тропинка в лес.

Видит – в лесу дом выстроен, в окошке огонь светится. Он и зашел. А там – старая старуха сидит.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, добрый человек! Далече ли идешь?

Мужик и рассказал старушке про свою беду.

– Ладно, помогу тебе, – говорит старушка. – Ветры – сыновья мои, это все их проделки.

Ложись спать, а утром они прилетят – я им и прикажу рассчитаться с тобой.

Забрался Никита на полати и заснул.

Утром, чуть свет, распахнулись вдруг двери. Никто не вошел, а в хате шум, смех, гомон.

Старуха положила на стол ложки, достала из печки котел с кашей.

За стол никто не садился, а ложки о котел стучат. Минуты не прошло – каши как не бывало, вся съедена, а кто ел – не видать.

Накормила старуха сыновей и говорит:

– Что ж вы, непутевые, мужичка обидели? Зачем над бедняком смеетесь? Рассчитывайтесь с ним за муку.

Тут один ветер говорит:

– Не ворчи, мамка. Дай ему краюшку хлеба, пусть идет домой. Небось ему этой краюшки до смерти не съесть.

Пошла старуха в клеть, вынесла маленькую краюшку и подает Никите.

– На, – говорит, – режь да ешь.

Обидно стало мужику.

– Что же это? – говорит. – Тут моим ребятишкам на один зуб и то мало.

– Бери, бери, – говорит старуха. – Тебе, милоч, этой краюшки вовек не съесть, и с детьми, и с внуками.

Взяла старуха нож и стала краюшку на ломти резать. Целую стопу ломтей нарезала, а краюшка все не убывает, все такая же.

– Ну, спасибо тебе, бабка! – говорит Никита. – Верно люди сказывают – долг платежом красен!

Спрятал он краюшечку за пазуху, распрощался со старухой и отправился в обратный путь.

Как привела его тропинка в лес, так и вывела из лесу. Пришел он домой и говорит жене:

– Ну, баба, нашел я виновников, рассчитались они со мной за убыток.

– А почему рассчитались?

– А вот, гляди.

И вынимает из-за пазухи краюшку.

– Да много ли тут хлеба? – говорит жена. – Тут на один зуб и то не хватит.

Никита смеется.

– Да тебе этой краюшки до самой смерти не съесть, и с детьми, и с внуками. Знай себе режь да ешь.

Взял он нож и нарезал полный стол ломтей. Ребятишек досыта накормил, сам с женой вволю наелся, а краюшка все такая же – нисколько меньше не делается.

С той поры пошла у Никиты жизнь на лад. С братом он за все долги рассчитался. Всякое дело у Никиты ладится, всякая работа спорится. Что ни затеет – во всем ему удача.

Богатый брат думает: «Что это Никита ничего у меня не просит? Может, помер?»

– Жена, – говорит, – пойду-ка я проведаю брата.

Собрался и пошел.

Приходит богатый брат к бедному, а у того дом – полная чаша. Богатый глазам своим не верит.

– С чего же ты разжился так? – спрашивает.

Ну, Никита по простоте и рассказал богатому брату о своей удаче.

У того от жадности сердце так и загорелось.

– Братец милый, – говорит он Никите, – дай мне твою краюшку на неделю. У меня как раз рабочие будут работать: два свальщика, два пильщика, да еще два возчика. Одного хлеба сколько напечь надо! Моей бабе никак не управиться. А я их твоей краюшкой накормлю и тебе назад принесу.

У бедного Никиты хитрости никакой.

Пошел он в клеть, нарезал целый угол ломтей – на неделю вперед – и вынес краюшку брату.

– Бери, – говорит, – накорми народ.

Взял богатый краюшку и скорей домой побежал.

– Ну, баба, – говорит жене, – теперь хоть сто работников нанимай, на всех хлеба хватит. Вот тебе краюшечка – режь да ешь.

Целую неделю хозяева от этой краюшечки кормились. И работникам кое-что перепало. А кончилась неделя, и жалко стало богатому брату с краюшечкой расставаться.

«Как бы, – думает, – ее навек у себя оставить?» И надумал: отрезал от своего каравая краюшку и посылает работника к Никите.

– На, – говорит, – отнеси брату долг.

А ту краюшку, что Никита ему дал, у себя припрятал.

Взял Никита свою краюшку и стал ломти резать. Отрезал один ломоть, отрезал другой – глядит: краюшки как не бывало, один горбок остался.

«Это что же такое? – думает Никита. – Говорили, что ввек не съесть, а я уже съел».

А того и в мыслях не имеет, что богатый брат его обманул.

И опять пошло у Никиты прежнее житье: опять бесхлебица, бессолица, в доме раззорица.

Думал, думал Никита и надумал: «Пойду-ка я опять к братьям-ветрам. Не дело это – на обман бедного человека брать».

Надел самый лучший кафтан и пошел по хоженной тропинке. До самой ночи шел. И привела его тропинка к домику в лесу. В окошке так же огонек светится. В доме та же старушка хозяйничает.

Вошел Никита в хату, поклонился.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, добрый человек! Что опять к нам пожаловал?

– Да вот незадача какая, – говорит Никита. – Сказывали твои сыновья, что мне их краюшку ввек не съесть, а я уже всю съел. Пускай теперь за обман рассчитываются.

– Ну, ладно, переночуй, – говорит старушка. – Поутру они вернуться, так рассчитаются с тобой.

Утром прилетели ветры. Увидели мужика, загудели:

– Опять ты, дурачина, пришел?

И давай по всей хате кружить – скатерть со стола сорвали, все с места сдвинули, вверх дном перевернули.

– Да угомонитесь вы, неугомонные, – прикрикнула на сыновей старуха, – никому от вас покоя нет. На месте минуты посидеть не можете! Мужика-то зачем обманули? Рассчитайтесь с ним, чтобы ему навек достатка хватило.

– А дай ему, мамка, кошелек-самотряс.

Старуха пошла в клеть и вынесла старый кошелек. Подала его Никите и говорит:

– Иди домой, доброхот, тебе из этого кошелька ввек денег не вытрясти.

Взял Никита кошелек, тряхнул раз, другой, третий – и посыпались оттуда медяки да целковые, четвертные да сотенные, золото да серебро.

Обрадовался Никита. Поблагодарил старуху и пошел домой.

Приходит к жене и говорит:

– Ну, баба, теперь мы лучше прежнего будем жить. Неси-ка ушат водоносный. Сейчас доверху денег насыплю.

Принесла ему жена ушат, и стал он над ним трясти свой кошелек. Полный ушат натряс, а денег в кошельке не убывает.

Жена всю пустую посудину в доме собрала, подставлять не успевает, а деньги так и сыплются.

– Ну, на первое время хватит, – говорит Никита.

Купил он лошадь, корову, самостоятельным стал человеком.

А богатому опять беспокойно.

– Что это Никита не приходит, ничего не просит? Пойду-ка я проведаю, какое у него житье.

И пошел.

– Здравствуй, Никита. Как живешь? – спрашивает.

А Никита ему:

– Здравствуй! Живу – не тужу, нужды не знаю.

– Да как же ты разбогател? – спрашивает богатый.

– Да вот опять ходил к братьям-ветрам, так они мне кошелек-самотряс дали. Из него ввек денег не вытрясти.

Богатый так и позеленел от злости. Просит он Никиту:

– Братец дорогой, дай мне твой кошелек на день, мне как раз с работниками рассчитываться надо.

Ну, Никита и дал.

«Пусть, – думает, – работники попользуются».

Спрятал богатый кошелек за пазуху – и домой.

Спустился в подполье и давай трясти кошелек над картофельной ямой. Полную насыпал, а ему все мало. Вторую натряс, а кошелек отдавать жалко.

Вот и придумал он: сшил из старой кожи такой же кошель, вложил в него горсть монет и посылает своего работника:

– Поди снеси брату.

Взял Никита кошелек, а того и не думает, что кошелек-то обменный.

Прошла неделя, собрался Никита на базар. Достал свой кошелек-самотряс, потрянул раз – и высыпались из него монетки, что богатый брат положил. Тряхнул другой раз – ничего не посыпалось. И уж как ни тряс Никита, а ничего больше не натряс.

– Баба, – говорит он жене, – а деньги-то из кошелька больше не летят. Видно, ветры обманули меня. Одно слово – ветродуи. Пойду опять к ним, пусть обман выправят.

– Что ж, иди, – говорит жена. – Дорога теперь знакомая. Не заблудишься.

Пошел Никита к ветрам.

Приходит, а все ветры как раз в сборе были. В доме вихрь так и крутит, с ног сбивает, словно в открытом поле.

– Здравствуй, Никита, – говорят ему братья-ветры, – что ж ты к нам опять пришел? Или опять чем недоволен?

– А что же вы меня все обманываете? Говорили – ввек не вытрясти из вашего кошелька денег, а я уже все вытряс, пустой вам принес.

Вытащил он из-за пазухи кошелек – тот, что богатый брат ему подложил, – и подает ветрам.

Те взглянули только – и сразу обман увидели.

– Мамка, – говорят, – дай ему суму, пусть он ума набирается да к нам не возвращается.

Вынесла ему старуха из кладовой преогромную суму.

– Бери, – говорит, – доброхот. Домой придешь, поставь суму в большой угол и скажи: «А ну, сума, дай мне ума». Она и даст тебе ума – да столько, что на весь век хватит. А ум будет, так и все будет. Да смотри не жадничай – как наберешься ума, скажи: «Вот так сума, надавала ума».

Обрадовался Никита. Взвалил мешок на спину и скорей домой.

Прибежал, свалил суму в передний угол и говорит жене:

– Гляди, сколько добра принес! Раньше-то все за пазухой приносил, а нынче на спине едва приволок. Больше уже не придется к ветрам ходить, богато жить будем.

– Да что же это у тебя? – спрашивает жена.

– А вот гляди, сейчас я тебе покажу.

И крикнул погромче в угол, где стояла сума:

– А ну-ка, сума, дай мне ума!

Тут как выскочили из сумы двое молодцов, да как начали его стегать плетками!

Стегают и приговаривают:

– Вот тебе ума! Получай сполна! За краюшку – раз! За кошель – два! Вот тебе, дуралей! Вот тебе, ротозей! Не верь богачу! А то снова проучу!

Чешут молодцы Никиту и так и этак, а он только ежится и корежится. На весь век набрался ума. Невмоготу стало терпеть.

Тут вспомнил он, как учила его старуха, и закричал во весь голос:

– Вот так сума, надавала ума!

И только крикнул – молодцов как не бывало, а сума стоит в углу крепко-накрепко завязанная.

– Вот это так сумочка у меня! – говорит Никита, а сам зашибленные места потирает. – С такой сумой не пропадешь!

А потом спрашивает жену:

– Ну что, баба, как теперь станем жить?

– Известно как, – отвечает ему жена, – твоим умом!

И зажили они – лучше не надо.

А богатому брату не терпится поглядеть, что Никита делает.

«Дай, – думает, – проведу его. Может, он опять какой подарок от ветров принес. Надо у него, дурака, выманить».

Собрался и пошел.

– Здравствуй, Никита!

– Здравствуй, братец!

– Ну, какво поживаешь?

– А лучше прежнего. Хоть торгуй!

– С чего же это ты так разжился? – спрашивает богатый.

– А с большого ума, – говорит Никита.

Смеется богатый брат:

– Откуда же ты столько ума набрался?

– А мне ветры такую суму дали – из нее сколько хочешь ума, столько и бери. А с умом никогда не пропадешь.

У богатого от зависти сердце сжалось.

«У меня, – думает, – денег довольно, и хлеба хватает, а вот ума не грех бы еще набраться».

Вот и говорит он Никите:

– Братец дорогой, дай-ка мне эту суму на денек. А то я своих работников каждый день уму-разуму учу, а никак научить не могу. Пусть хоть из сумы ума наберутся.

– Что ж, мне не жаль, – говорит Никита, – возьми, пожалуйста. Вон в углу стоит.

– А как из нее ума-то взять?

– Скажи только: «А ну-ка, сума, дай мне ума». Она и даст.

А про то, как закрыть суму, – не сказал. Сообразил своим умом – что к чему.

Взвалил богатый брат суму на спину и понес домой. Приходит и говорит жене:

– Ну, баба, я опять от брата обнову принес.

Поставил суму в передний угол и говорит:

– А ну-ка, сума, дай мне ума!

Тут выскочили из сумы двое и начали мужика плетками стегать. В воздухе свист так и стоит. Мужик в голос ревет:

– Ой-ой-ой! Это что ж такое?

А те двое говорят:

– Это мы тебя уму-разуму учим. Не бери чужого! Не бери! Не бери!

И знай себе хлещут! Мужик едва жив.

– Баба, – говорит жене, – беги скорей к брату, а то из меня душа вон.

Прибежала жена к Никите, молит-просит:

– Никита, скорее собирайся да к нам беги. Из твоей сумы какие-то двое выскочили, чуть до смерти мужика не забили.

А Никита не спешит.

– Ладно, – говорит, – поспеем.

Прибрался он, помылся с мылом, во все новое оделся – будто в праздник – и пошел. Идет степенно, не торопится. Недаром ума набрался.

Приходит к брату в дом, а тот едва дышит.

– Ой, братушка, бери все – и краюху, и кошель, только уйми ты этих молодцов. Баба, – кричит жене, – неси скорее брату его добро!

Вынесла невестка Никите и кошель, и краюху. Спрятал он все за пазуху и говорит:

– Ну что, брат, набрался теперь ума?

– Ой, набрался! – плачет богатый. – Места живого нет! Ой, помоги от беды избавиться!
– Видно, мало набрался, коли своим умом додуматься не можешь. Скажи только: «Вот так сума, надавала мне ума!» – молодцы и спрячутся.

А мужик языком шевелить уж не может. Одними губами шепчет:

– Вот так сума, надавала мне ума.

И только сказал – нет никого. А сума как была завязанная, так и стоит в углу.

Мужик косится на суму, боится шаг ступить. Ну, потом осмелел – недаром ума набрался! – и бочком, бочком в другой конец хаты отошел.

– Унеси ты поскорее свою суму, – просит.

Взвалил Никита суму на спину и пошел домой. Богатый и рад. Покрепче закрыл за ним дверь. К брату ходить закаялся.

А Никита живет и горя не знает.

Хлеб да деньги у него не переводятся. Ума – не занимать стать. Чего уж лучше?

Великан Дреглин Хогни

Шотландская сказка (Перевод М. Калягиной-Кондратьевой)

Жил-был один человек, и было у него три сына, а кормить их денег не хватало. И вот когда старший сын вырос и увидел, что дома прокормиться нечем, он пошел к отцу и сказал:

– Отец, дай мне коня, чтоб на нем верхом ездить, дай собаку, чтоб с ней на охоту ходить, а еще дай сокола, чтоб его на дичь напускать, и я пойду по белу свету свое счастье искать.

Отец дал ему все, что он просил, и старший сын тронулся в путь. И вот он все ехал и ехал по горам и долам, а вечером подъехал к темному дремучему лесу и забрался в самую глухомань – думал, где-нибудь тропинку найдет. Но никакой тропинки в лесу не было. Юноша порыскал в чаще и наконец понял, что заблудился.

Делать нечего, пришлось ему привязать коня к дереву, а себе приготовить постель из листьев. Но тут он заметил, что вдали светится огонек. Юноша сел на коня, поехал на этот огонек и немного погодя выбрался из леса на поляну. На поляне стоял великолепный замок. Во всех его окнах горел свет, но входная дверь была заперта.

Юноша подошел к двери и постучался. Никто не ответил. Тогда он приложил к губам свой охотничий рог и громко затрубил в надежде, что в замке его услышат.

И тут дверь вдруг открылась сама собой. Юноша прямо диву дался. Но еще больше он удивился, когда вошел в замок и стал ходить по комнатам. Во всех комнатах ярко горел огонь в каминах, а в большом зале был накрыт стол, и на нем стояли блюда с сытными яствами. Но во всем обширном замке как будто не было ни одного человека.

Юноша очень продрог, промок и притомился. И вот он поставил своего коня в стойло на огромной конюшне, а собаку и сокола с собой взял и вернулся в замок. Сел за стол в большом зале и поужинал досыта. Потом примостился у огня, чтобы обсушиться.

Время было позднее, и юноша уже хотел было подняться наверх и вздремнуть в одной из спален, как вдруг часы на стене пробили полночь. Тотчас открылась дверь, и в зал вошел огромный страшный великан Дреглин Хогни. Он был косматый, с длинной бородой, глаза его под кустистыми бровями горели мрачным огнем. В руке он держал какую-то диковинную дубинку.

Великан как будто ничуть не удивился незваному гостю. Он прошел через весь зал и тоже сел у камина напротив юноши. Оперся подбородком на руки и уставился на гостя.

– А что, конь твой лягается? – спросил он наконец грубым, резким голосом.

– Еще как лягается-то! – ответил юноша.

И правда, отец ведь смог дать ему только необъезженного жеребца.

– Я умею объезжать коней, – сказал великан, – и я помогу тебе объездить твоего. Возьми вот это и брось на своего коня.

Тут он выдернул у себя из головы длинный жесткий волос и подал его юноше.

И так грозно он говорил, что юноша не посмел послушаться – пошел на конюшню и бросил волос на своего коня. Потом он вернулся в зал и снова сел у камина. Как только он уселся, великан опять спросил:

– А что, пес твой кусается?

– Еще как кусается-то! – ответил юноша.

И правда, собака у него была такая злая, что никто, кроме хозяина, не смел ее погладить.

– Я умею приручать самых диких собак на свете, – сказал великан. – Возьми вот это и брось на своего пса.

Он выдернул другой волос у себя из головы и подал его юноше, а тот сейчас же бросил волос на свою собаку.

Потом великан задал юноше третий вопрос:

– А что, сокол твой клюется?

Юноша рассмеялся.

– Еще как клюется-то! – ответил он. – Мне приходится завязывать ему глаза, пока он не летает, а не то он клюет всех, кто ему под клюв попадет.

– Больше не будет клеваться, – мрачно проговорил великан. – Брось-ка на своего сокола вот это.

И он в третий раз выдернул у себя из головы волос и подал его юноше, а тот бросил волос на сокола, как раньше бросал на коня и собаку.

И тут не успел он и глазом моргнуть, как страшный великан вскочил и с такой силой ударил его по голове своей диковинной дубинкой, что бедняга враз повалился на пол. И тотчас же собака и сокол замертво упали рядом с хозяином, а конь в конюшне оцепенел. Он недвижно стоял в стойле, словно каменный.

Значит, вот как умел укрощать великан неприрученных животных.

Прошло сколько-то времени, и второй из трех братьев пошел к отцу и стал его просить, как просил старший брат:

– Отец, дай мне коня, сокола и собаку и отпусти по белу свету побродить, счастье свое поискать.

Отец выслушал его и дал ему все, что он просил, как раньше дал старшему сыну.

И вот юноша пустился в путь, вечером подъехал к темному дремучему лесу и заблудился, как и старший брат. Вскоре он тоже заметил вдали огонек, подъехал к замку, вошел в него, поужинал и сел у огня. Словом, сделал все, как старший брат. Потом вошел великан и задал ему те же три вопроса, что задавал его старшему брату, а юноша ответил на них так же, как отвечал тот. И ему тоже великан дал три своих волоса с приказом бросить один волос на коня, другой на собаку, третий на сокола. А потом убил его, как убил его старшего брата.

Шло время; младший брат ждал-ждал старших братьев, да так и не дождался. И вот он попросил у отца коня, собаку и сокола и сказал, что хочет поехать на поиски братьев. А бедный старик, хоть и боялся остаться один на старости лет, дал ему все то, что он попросил.

Младший брат пустился в путь и вечером подъехал к темному дремучему лесу, а потом и к замку. Но он был малый смекалистый, и ему не по нраву пришлось все, что он увидел. Не понравился ему и пустой замок, и накрытый стол, а пуще всего – сам хозяин, великан Дреглин Хогни. И юноша решил держать ухо востро.

И вот когда великан спросил, лягается ли его конь, юноша только коротко ответил: «Да». А когда великан дал ему свой волос и приказал бросить его на коня, юноша пошел на конюшню, но волоса на коня не бросил, а зажал его в кулаке и вернулся в замок.

Тут он улучил время, когда великан на него не смотрел, и бросил волос в огонь. Волос зашипел, как змея, и сгорел.

– Что это шипит? – подозрительно спросил великан.

– Да это вода капает из сырого полена, – спокойно ответил юноша.

Великан ему поверил. Потом он дал ему еще два волоса и приказал бросить их на собаку и сокола, а юноша бросил их в огонь. Оба волоса зашипели, но великан на это не обратил внимания. Он думал, что гость уже в его власти. Встал и ринулся на него с дубинкой. Но юноша был начеку и, едва великан поднялся, громко свистнул.

И тут верный его конь выбежал из конюшни, а собака проснулась и вскочила с места, а сокол – он сидел на плече у хозяина – взмахнул крыльями и резко крикнул. И все трое кинулись на великана. Тогда он испытал на себе, как лягается конь, и как кусается пес, и как клюется сокол. Они лягали, кусали и клевали его, пока ему конец не пришел.

Юноша увидел, что великан уже мертвый, взял у него из рук дубинку и пошел осматривать замок. И вот он спустился в темное, мрачное подземелье и нашел там своих братьев. Они лежали рядом, холодные и словно каменные. Младший брат дотронулся до них великановой дубинкой, и они сразу ожили и вскочили на ноги, целые и невредимые.

Потом юноша пошел в другое подземелье и увидел двух коней, двух соколов и двух собак. Они, как и их хозяева, лежали словно мертвые. Юноша дотронулся до них волшебной дубинкой, и они тоже ожили.

Тогда он позвал братьев, и все трое обыскали другие подземелья и нашли в них горы золота и серебра – столько, что им на весь век хватить могло. Потом они зарыли в землю великана и поселились в его замке. Двое братьев поехали домой и вернулись со стариком отцом. И вот зажили они в замке счастливо, да и по сей день так живут.

Волк, улитка и осы

Французская сказка (Перевод М. Абкиной)

Раз волк шел по лесу и наступил на улитку. В те времена животные еще умели говорить как люди. Вот улитка ему и сказала:

– Какой ты злой, волк! Зачем топчешь ногами слабых? И чем гордишься? Захочу, так побегу быстрее тебя. Давай побьемся об заклад, что ты и твои приятели волки запыхаетесь, догоняя меня.

– Это тебя-то не догнать, убогая?

– Да, меня, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра с восходом солнца, и посмотрим, кто из нас первый добежит до берега Гаронны.

– Хорошо, придем, убогая.

Волк продолжал путь. Не прошел он и двадцати шагов, как наступил на осиное гнездо.

– Какой ты злой, волк, зачем топчешь ногами слабых? Мы, осы, малы, но тебя не боимся. Хочешь, побьемся об заклад, что мы утопим и тебя, и твоих приятелей волков?

– Это вы-то, мелюзга этакая?

– Да, мы, волк. Приходи сюда вместе со своими собратьями завтра, когда взойдет солнце, и посмотрим, много ли нам понадобится времени, чтобы утопить вас в Гаронне.

– Хорошо, придем.

Волк тотчас же пошел предупредить своих. А улитка сказала осам:

– Подружки, оповестите весь ваш осиный народ. Мои улитки тоже все непременно соберутся на зов. Спрячьтесь в ветвях ив, что растут на берегу Гаронны. Мы пригоним вам волков, а вы в удобную минуту нападите на них и жальте, пока они не бросятся в воду.

– Хорошо, улитка, будет сделано.

И осы улетели, чтобы исполнить то, что обещали. А улитка разместила своих подружек на всем пути до берега Гаронны, через каждые пять шагов по улитке.

На другое утро, с восходом солнца, волки и улитка были уже на том месте, откуда решено было начать бег.

– Ты здесь, улитка?

– Здесь, волки. Начнем.

Волки помчались галопом. На бегу они кричали:

– Где ты, улитка?

– Здесь, волки, – отвечали улитки, расставленные по дороге через каждые пять шагов.

Когда волки добежали до берега Гаронны, осы тучей вылетели из листвы ив и, напав на зверей, принялись больно жалить их, громко жужжа:

– Сильнее! Сильнее!

Бедные волки кинулись в реку и не смели высунуть из воды ничего, кроме кончика морды.

– В нос, в нос! – жужжали осы, налетая на волчьи носы и усердно работая жалами.

Волки все утонули, а улитки и осы, очень довольные, воротились в лес.

Волшебный колодец

Киргизская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил когда-то на свете могущественный хан, покоритель северных гор и южных, властелин зеленых пастбищ и снежных вершин.

Много сокровищ было у него во дворце, но самым драгоценным сокровищем была его дочь Сарын-Гырыл.

Кто под луной поспорил бы с ней в красоте? Никто.

Глаза у Сарын-Гырыл как два солнца сияют, на щеках алые розы цветут, тяжелые косы, словно черная ночь, на землю падают.

На всем свете не было красавицы такой, как Сарын-Гырыл. Хан любил ее больше своей жизни, гордился ею больше, чем своей славой.

И вот пришло время выдавать Сарын-Гырыл замуж.

Но как найти жениха, достойного прекрасной царевны?

Есть на свете знатные юноши, но как узнать – кто самый знатный?

Есть на свете храбрые юноши, но как угадать – кто самый храбрый?

Есть на свете красивые юноши, но как выбрать самого красивого?

Как узнать, с кем найдет прекрасная Сарын-Гырыл свое счастье?

Думал, думал хан и вот что придумал.

Перед самым дворцом велел он вырыть колодец, а потом послал своих глашатаев во все концы царства, чтобы повсюду объявили они его ханскую волю: кто хочет получить ханскую дочь в жены, пусть доверху наполнит ханский колодец золотом и самоцветными камнями.

Одно только скрыл от всех хан: что колодец этот – волшебный и не всякий мог наполнить его золотом и драгоценностями, а только достойнейший из достойных.

И вот стали съезжаться к ханскому дворцу смелые воины, знатные юноши, прекрасные царевичи, – все, кто хоть раз слышал о чудесной красоте Сарын-Гырыл.

Множество драгоценных даров было брошено на дно колодца, но никому не выпало на долю получить руку прекрасной царевны, потому что никто даже наполовину не засыпал ханский колодец золотом.

Так и возвращались женихи ни с чем – и без невесты, и без своих богатств.

А в то самое время жил на свете другой хан.

Не счесть было его богатств. Но не богатством гордился хан – хоть и было оно поистине несметным! – а гордился он своим единственным сыном.

Да и как не гордиться им!

Был царевич красив и смел, отважен и силен. Все дала ему в дар щедрая судьба. Ни в чем не знал он неудачи.

И вот дошла до царевича слава о прекрасной Сарын-Гырыл, и захотел он попытать свое счастье.

Золота у него было без счета. Но как угадать, сколько мешков понадобится, чтобы доверху засыпать ханский колодец?

Думал, думал царевич и вот что придумал: в своем саду приказал он вырыть глубокий колодец – такой глубокий, что даже дна его не было видно, – а потом засыпал его до самого верха блестящими монетами и самоцветными камнями. И сколько мешков золота высыпал он в колодец, столько же велел грузить на слонов, чтобы везти все эти богатства хану.

«Верно, ни от кого еще не получал хан таких богатых даров», – весело думал царевич, отправляясь в путь.

Впереди него тянулся длинный караван – сто самых больших слонов медленно шли, раскачиваясь под тяжелой ношей. А позади него следовала свита – сто придворных на самых лучших конях сопровождали своего господина.

Много дней и много ночей караван был в пути. И вот наконец увидел царевич стены города, где жила прекрасная Сарын-Гырыл.

Перед ханским дворцом царевич приказал каравану остановиться, а сам подъехал прямо к колодезю и, перегнувшись с седла, заглянул вниз.

«Ну, этот колодец и не так широк и не так глубок, как мой, – подумал царевич. – Я наполню его своим золотом не то что доверху, а даже с верхом».

И он смело приказал стражникам, стоявшим у ворот дворца, пропустить его к хану.

– Я приехал свататься к твоей дочери, великий хан, – сказал царевич. – О богатстве моем не беспокойся, его хватит, чтобы наполнить десять таких колодцев.

– Я хочу, чтобы ты наполнил только один, – сказал хан.

– Ну, об одном нечего и говорить! К чему пересыпать золото из мешков в колодец? И так видно, что его больше, чем надо. Зачем попусту тратить время?

– Это верно, – сказал хан. – Не надо попусту тратить время, а ты тратишь его в пустых разговорах.

– О великий хан! – воскликнул юноша. – Взгляни в окно. Сто слонов шатаются под тяжестью золота и драгоценных камней, которые я привез тебе в дар. Ничего не стоит наполнить этими сокровищами твой колодец.

– Так наполни же его, и ты получишь то, что хочешь, – сказал хан.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – ответил царевич.

И он приказал своим слугам высыпать в ханский колодец золото из мешков.

Смотрит царевич, как течет золото в ханский колодец, и не верит своим глазам: словно сквозь землю уходит все его богатство.

Вот уже все мешки опустошены, а золото даже половину колодца не наполнило.

Тогда царевич приказал продать всех слонов и вырученное золото тоже бросил в колодец.

Но много ли прибавится в море воды от одной упавшей капли? Столько же прибавилось и золота в колодце.

Тогда царевич продал всю свою свиту и бросил в колодец новые мешки золота.

Только и это не помогло.

Теперь у царевича ничего уже не было, и, кинув в колодец последнюю монету, он побрел прочь от дворца.

Долго скитался он без пристанища, голодный и усталый. Наконец пришлось ему сменить свое царское платье на простую одежду и взяться за первую попавшуюся работу, чтобы не умереть с голоду.

Вернуться к себе на родину он даже не помышлял.

Путь туда был долгий, а денег у него было теперь так мало, что карман его бедного платья и то никогда не наполнялся монетами.

Но вот случилось однажды, что прекрасная Сарын-Гырыл проезжала в своей колеснице по городу. А царевич в это время шел с вязанкой дров за плечами и, заглядывая во все дворы, громко выкрикивал:

– Кому дрова нужны? Кому дрова принести?

И, хоть одет он был в жалкое рубище, Сарын-Гырыл сразу заметила его.

Она приказала своим слугам позвать разносчика дров и, прикрыв лицо покрывалом, сказала ему такие слова:

– Послушай, юноша, кто ты такой? Если поглядеть на твое платье – ты ничем не отличаешься от всякого поденщика, но по лицу твоему и рукам сразу видно, что ты непривычен к тяжелой работе. Признайся же мне, кто ты на самом деле?

– Что ж, я скажу тебе правду, – ответил царевич. – Я сын Цокто-хана и приехал в эту страну, чтобы свататься к прекрасной Сарын-Гырыл. Весь свет говорит, что никто не сравнится с ней в красоте. Я привел целый караван с золотом в дар ее отцу, но этого золота все-таки не хватило, чтобы наполнить колодец. Тогда я продал всех своих слонов, продал всю свою свиту. Но, видно, колодец этот бездонный – сколько ни бросай, все равно не наполнить... И вот я остался ни с чем, надел это рубище и продаю дрова, чтобы не умереть с голоду.

– Мне жаль тебя, царевич, – сказала Сарын-Гырыл, выслушав его рассказ, – и я хочу помочь тебе. Раздобудь сегодня несколько монет, а завтра пойди к хану и скажи, что ты хочешь попытать свое счастье. Только хорошенько запомни: пока не увидишь Сарын-Гырыл своими глазами, не бросай монеты в колодец.

– Благодарю тебя за доброе слово, – грустно сказал царевич. – Но лучше мне не ходить во дворец. Что пользы, если я своими глазами увижу теперь прекрасную Сарын-Гырыл? Жалкие монеты, которые я выручу за день, не покроют даже дна ханского колодца.

– Напрасно ты говоришь так, – сказала Сарын-Гырыл. – Ведь колодец этот заколдованный, и я открою тебе его тайну: только тот сможет наполнить его золотом до самого верха, кого полюбит Сарын-Гырыл всей душой. Только у того хватит богатства, кто сам полюбит ее всем своим сердцем. А не то – всех сокровищ мира будет мало, чтобы наполнить ханский колодец. Послушайся же моего совета и сделай так, как я тебе говорю.

– Хорошо, я сделаю все, как ты сказала! – воскликнул царевич. – Но разве может полюбить меня прекрасная Сарын-Гырыл? Чем прельстится она, увидев жалкого поденщика?

– Никто не знает того, что будет, – сказала царевна. – Ты не пожалел отдать целый караван с золотом, сам не зная за что, не жалеешь же теперь нескольких монет. Может быть, они принесут тебе счастье.

Целый день не покладая рук работал царевич, и к вечеру в его кармане звенело несколько монет.

А на утро следующего дня царевич снова пошел к ханскому дворцу.

Стражники у ворот долго не хотели пускать его.

– Куда тебе к ханской дочери свататься! – смеялись они.

– Твое золото только в дырявом ведре и унесешь!

– Иди-ка, иди отсюда, пока не поздно!

Но царевич словно и не слышал, что над ним смеются.

– Не вам, – говорит, – мое золото считать, и не к вашим дочерям я сватаюсь. А отдаст за меня хан свою дочь или не отдаст, это он сам скажет.

Наконец пустили его во дворец.

– Великий хан, – сказал царевич, – я хочу просить у тебя руки твоей дочери.

Хан даже спорить не стал.

– Что ж, – говорит, – попытай свое счастье. Только знаешь ли ты, что тот, кто хочет жениться на моей дочери, должен наполнить мой колодец золотом?

– Знаю, великий хан. Но дозвожь мне сначала взглянуть на твою дочь. Своими глазами хочу я увидеть, так ли хороша она, как говорят люди, стоит ли она того, чтобы я отдал за нее все свое золото.

– Видно, не много у тебя золота, что ты так дорожишь им, – сказал хан. – Ну, да пусть будет по-твоему, хотя, если правду говорить, не твоим недостойным глазам смотреть на мою дочь. Много было у нее женихов – не тебе чета! – а всех постигла неудача. Лучше послушайся моих слов, откажись от сватовства. Зачем попусту тратить время?

– Истину гласят твои справедливые уста, – сказал царевич. – Зачем попусту тратить время? А ты тратишь его в пустых разговорах. Золото мое тобой не считано, а бросать его даром я тоже не хочу. Дозволь же мне, милостивый хан, взглянуть моими недостойными глазами на твою красавицу дочь.

Нечего делать, приказал хан своим слугам привести царевну.

Пришла Сарын-Гырыл.

Взглянул на нее царевич, и, словно птица в клетке, забилося его сердце.

«Ах, – думает царевич, – зачем я пришел сюда, зачем увидел ее! Теперь навсегда потеряло покой мое бедное сердце!..»

А Сарын-Гырыл смотрит на него, и душа ее так и поет от любви.

– Ну, – говорит царевичу хан, – я тебе свою дочь показал, показывай теперь ты свои богатства. Или, может быть, недостойна моя дочь твоих подарков?

Ничего не сказал царевич. Молча бросил он свои монеты в колодец.

И сразу – что за чудо! – наполнился колодец золотом до самых краев. Да что – до краев! Через край сыплется золото! Рекой течет!

Хан глазам своим не верит.

А царевич смотрит на него и смеется.

– Видишь, великий хан, не так уж мало у меня золота. Может, и был я бедным поденщиком, а теперь нет человека богаче меня.

Так и женился царевич на прекрасной Сарын-Гырыл. И прожили они без горя и забот до конца дней своих.

Два брата

Латышская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жили по соседству два брата. Один богатый, другой бедный. Один жадный, другой добрый. Один деньги считает, другой долги копит.

Вот как-то под вечер зашел к богатому брату прохожий старичок – голова белая, борода белая, весь трясется.

– Дозволь, – говорит, – у тебя ночь переночевать?

– Ступай, ступай отсюда, – отвечает богатый. – Некуда мне тебя положить. Иди вон к соседу!

Постучался старичок к бедному брату.

– Не пустишь ли переночевать? – просит.

– Входи, дедушка, – говорит бедняк. – Места хватит. Садись-ка с нами за стол, чем сами богаты, тем и тебя накормим.

Поел старичок и лег спать. А утром стал он собираться в путь и говорит бедняку на прощанье:

– Спасибо тебе, сынок, что приютил старика. Рассчитаться мне с тобой нечем, деньгами я не богат, так я тебе добрым словом заплачу. Вот запомни: что с утра начнешь, то к ночи и кончишь.

С тем и ушел.

«Чудной старичок, – думает бедняк. – И слова какие-то чудные говорит. Да ведь и то верно: бедняк, точно белка в колесе, с утра до ночи вертится, а утро придет – и опять на том же месте вертись».

Вздыхнул он тяжело, а потом зовет жену:

– Ну-ка, жена, давай снимать домотканину! Небось на заплаты хватит того, что наработали.

А у них еще с вечера домотканое сукно осталось на стане необранным.

Взялись они за дело. Снимают, снимают – что за чудо! – домотканине конца-краю нет, только успевай скатывать. Все лавки сукном завалили, все углы свитками заложили, а сукно все идет и идет – как река течет.

До самой ночи они сукно снимали. А наутро нагрузил бедняк свою телегу и поехал на базар. Продал там сукно – домой полную телегу денег привез.

– Ступай, – говорит жене, – позови брата, рассчитаемся с ним за все его милости.

Богач пришел да так и разинул рот от удивления.

– Это с чего же ты разбогател? – спрашивает.

Бедняк и рассказал ему все как было.

Богатый от зависти сам не свой стал. Прибежал точно угорелый домой, кричит жене:

– Вари! Жарь! Пеки!

А сам все в окошко высовывается: не идет ли старичок?

К вечеру и вправду увидел он прохожего старичка.

Выбежал богатый к нему навстречу, под руки в дом повел, за стол усадил, потчует дорогого гостя:

– Ешь, милый человек! Пей на здоровье!

А потом и спать его уложил – пуховую перину ему дал, пуховым одеялом укрыв.

Всю ночь ворочался богач с боку на бок.

«Ведь как угощал я этого проклятого старика! – думает. – Ничего для него не пожалел! Неужто не отблагодарит меня? Быть того не может!»

А старичок и вправду справедливый был.

Поутру собрался он уходить и говорит хозяину:

– Спасибо тебе, что накормил и приютил. Только вот не знаю, чем мне с тобой расплатиться. Денег у меня нет...

Богач так и позеленел от злости. «Неужто не скажет старик заветных слов?»

– А вот слово мое запомни, – говорит старичок, – пригодится оно тебе: что с утра начнешь делать, то и будешь весь день делать.

Отлегло у богача от сердца.

Выпроводил он старичка и бросился в клеть пересыпать деньги из сундука.

Тут вдруг зачесалась у него спина. Прислонился он к дверному косяку, чтобы почесаться, и – что за напасть! – не оторвать ему спину от косяка. Рвется, дергается справа налево, слева направо, а с места сдвинуться не может.

Стал он звать жену. Только и она не оторвала его от косяка.

Так до самой ночи и чесал спину богач – всю до крови содрал.

И винить некого, сам во всем виноват.

Джамхух – сын оленя

Абхазская сказка (Пересказ А. Любарской)

Давно это было.

Жил на свете охотник по имени Хапар.

Однажды отправился Хапар со своими друзьями на охоту. Долго ходили охотники по лесу, а никакая добыча им не попадалась. С пустыми руками нет охотникам обратной дороги, вот и шли они все дальше и дальше в лес, пока не дошли до зеленой лужайки.

Видят – посреди лужайки лежит, греется на солнце олениха с оленятами. Обрадовались охотники. Осторожно, чтобы ветка не хрустнула, чтобы лист не зашуршал, стали подбираться к оленям.

И вдруг увидел Хапар среди оленят мальчика. Маленького мальчика. С оленятами он играл, будто сам был олененком, и оленята, видно, не считали его человеком, а старая олениха кормила его своим молоком, словно он был ее родным детенышем.

Очень удивился Хапар, увидев такое чудо, и захотелось ему поглядеть поближе на этого мальчика.

Приказал он охотникам не стрелять, а сам, не таясь и не скрываясь, вышел на полянку.

Завидя человека, олениха с оленятами стрелою понеслась в глубь леса. Побежал за ними и мальчик. Быстрые ноги были у него, а все же две ноги с четырьмя не сравняются – отстал он от оленей.

Догнал его Хапар и увел к себе домой.

Дом у Хапара был хоть и богатый, да пустой – ни жены, ни детей, ни другой какой родни.

Скучно было Хапару жить одному, вот и решил он оставить мальчика у себя.

Отца-мать своих мальчик не знал, роду-племени своего не ведал, языка человеческого не слышал. Вскормил его олень, лес был его домом, земля – постелью.

Хапар одел его, как людей одевают, научил человеческому языку, дал ему имя Джамхух, что значит – сын оленя. И пошла слава про Джамхуха – сына оленя по всем горам и ущельям, потому что был он смелый и красивый, ум имел быстрый, сердце – храброе, глаз – острый, руку – точную.

Очень полюбил старый охотник Джамхуха, роднее родного сына стал он ему, и жили они в мире и дружбе до конца дней Хапара.

Перед смертью подозвал старый охотник к себе Джамхуха и сказал ему так:

– Пришел мой последний час, Джамхух. Возьми ключи от всех моих сундуков и ларей и будь теперь хозяином моего дома. Все, что есть у меня, все твое. Одного только сундука не открывай, прошу тебя, – того, что стоит в подземелье. Там хранится изображение красавицы, сестры семи братьев-великанов, что живут в восточной стороне. Кто посмотрит на нее – все на свете забудет, а кто пойдет искать ее – за своей смертью пойдет. Было у меня три сына – все сложили за нее свои головы. Ты мне все равно что родной сын. Послушайся же моего совета, не открывай сундука, не приближай дня своей гибели.

Сказал так старый охотник и умер.

И вот остался Джамхух хозяином всех его сокровищ. Только ни на что даже смотреть он не хотел, ничего ему не нужно было, кроме того сундука, где хранилось изображение красавицы.

«Может, и пропаду я, если взгляну на эту красавицу, – подумал Джамхух, – да ведь если не увижу ее, тоже пропаду».

Подумал так, спустился в подземелье и открыл заветный сундук. На горе себе открыл он этот сундук! Такую красавицу увидел, что обо всем на свете сразу позабыл. И дал он себе клятву найти ее, где бы она ни была.

Заткнул Джемхух за пояс свой кинжал и пошел через леса и горы, через реки и долины – прямо на восток, туда, где в замке семи братьев-великанов жила красавица.

Много дней шел Джемхух, много ночей шел.

И вдруг попался ему на пути человек. Шел этот человек по полю и лопатой выворачивал землю. Выворотит целую глыбу – и в рот. Выворотит – и в рот. И сколько ни ест, все ему мало.

– Ох, совсем я с голоду ослаб, – стонет. – Совсем не жирная земля, – плачет. – Один песок с глиной.

Удивился Джемхух, глядя на него, и говорит:

– Первый раз в жизни встречаю такого ненасытного человека. Скажи, пожалуйста, кто ты такой?

– Не понимаю, чему ты удивляешься, – сказал незнакомец. – Я самый обыкновенный Обьедало, и не так уж много я съел – всего половину поля. Вот если бы ты встретил Джемхуха – сына оленя, – тогда и вправду было бы чему удивиться.

– Джемхух – сын оленя – это я, – сказал юноша, – но я даже комка земли не мог бы проглотить, а ты съел половину поля.

– Если ты Джемхух, – сказал незнакомец, – позволь мне быть твоим товарищем и спутником, куда бы ты ни шел, какое бы дело ни задумал.

И, проглотив последний комок земли, он отправился вместе с Джемхухом в путь.

Скоро дошли они до реки.

Видят – стоит в воде человек. Раскрыл рот – и вода ему прямо в горло льется.

Все мельче и мельче становится река. А он все пьет и пьет и никак напиться не может.

– Ох, совсем горло пересохло, – жалуется. – Где бы еще воды достать?

– Неужто тебе мало этой реки? – удивился Джемхух. – Кто ты такой, что целую реку выпил, а напиться не можешь?

– Я самый обыкновенный Опивало, и не так уж много я выпил, – ответил человек. – Вот если бы ты увидел Джемхуха – сына оленя, тогда и верно было бы чему удивляться.

– Джемхух – сын оленя – это я, – сказал юноша. – Только мне и ведра воды было бы много, а тебе целой речки мало.

– Если ты Джемхух, я готов быть твоим товарищем, – сказал Опивало. И, допив речку до дна, он вышел на берег.

Втроем пошли они дальше.

Шли, шли и видят – пасется на горном склоне заячье стадо. Тут же, около стада, пастух прохаживается. К ногам пастуха привязаны тяжелые мельничьи жернова, а он их словно не замечает. И чуть какой заяц бросится в сторону, пастух только шаг сделает – и уже догнал беглеца.

– Вот чудак! – воскликнул Джемхух. – Зачем ты привязал к ногам такую тяжесть?

– Разве это тяжесть? – усмехнулся парень. – Без этих жерновов я и минуты не устоял бы на месте, ноги сами унесли бы меня на край света. А какой же это пастух, если он от своего стада убегает? Да ты не удивляйся. Я ведь самый обыкновенный Скороход. Таких, как я, много. А вот говорят люди, что есть на свете Джемхух – сын оленя. Вот его бы увидеть, тогда было бы чему удивляться.

– Джемхух – сын оленя – это я, – сказал юноша, – но я не смог бы и шагу ступить, если бы к моим ногам привязали такие тяжелые жернова.

– Если ты Джемхух, позволь мне быть твоим товарищем и помощником, – сказал Скороход. И он двинулся вместе со всеми в путь, прицепив к ногам еще по одному жернову, чтобы не забегать вперед.

Шли они, шли и видят – стоят на дороге два человека и смотрят в небо.

– Что это вы в небе высматриваете? – спрашивает их Джамхух.

– А разве ты не видал, как там, на седьмом небе, коршун за голубем гонялся? Мой товарищ подбил его, и теперь мы ждем, пока добыча упадет на землю. Да это что! Голубя и слепой увидит. А вот вчера комар в лесу крылышко потерял, так я это крылышко нашел, а мой товарищ его на место вправил, и летает этот комар опять как ни в чем не бывало.

Удивился Джамхух:

– Никогда не видел я таких людей!

А человек говорит:

– Что ж тут особенного? Не был бы я Остроглазый, а он Ловкурокий, если бы мы не могли справиться с такими делами. Тут удивляться нечему. Видно, ты ничего не знаешь про Джамхуха – сына оленя, если удивляешься, глядя на нас.

– Джамхух – сын оленя – это я, – сказал юноша. – Только разве я могу похвалиться такими острыми глазами и такими ловкими руками?

– Если ты Джамхух, мы будем твоими руками и глазами, – сказали они и вместе со всеми двинулись в путь.

Опять идут. Через леса и горы идут, через долины и реки идут.

И вдруг видят – лежит на дороге человек, приложив ухо к земле, и что-то слушает.

– Что ты делаешь тут? – спросил его Джамхух.

– Подожди, подожди, – замахал руками человек. – Ты мешаешь мне слушать. Далеко под землей поспорили два муравья. Я хотел узнать, из-за чего у них спор разгорелся.

– Что за удивительный человек! – воскликнул Джамхух. – Мы не слышим, о чем говорят люди в соседнем доме, а он слышит, о чем спорят муравьи под землей.

– Ну что тут особенного? – сказал человек. – Просто у меня большое ухо. А вот если кто достоин удивления среди живущих, так это Джамхух – сын оленя.

– Джамхух – сын оленя – это я, – сказал юноша, – но я не стал бы состязаться с тобой в твоём искусстве.

– Если ты Джамхух, – сказал Большеухий, – позволь мне быть твоим товарищем и спутником.

И, не дослушав, чем кончился муравьиный спор, он вскочил на ноги и пошел со всеми.

Теперь уже семеро идут – Джамхух и его товарищи: Обьедало, Опивало, Скороход, Остроглазый, Ловкурокий и Большеухий.

Вперед и вперед идут, прямо на восток, туда, где в замке братьев-великанов живет красавица.

И вот наконец увидели они этот замок. Дорога к нему человеческими костями вымощена, ограда вокруг него человеческими черепами украшена. Но не испугались Джамхух и его товарищи, не повернули назад, а смело вошли в замок.

Как раз все братья-великаны в сборе были. Все за столом сидели, точно поджидали Джамхуха.

И с ними вместе сидела их сестра.

Сердце замерло у Джамхуха, так она была прекрасна.

Стоит Джамхух, глаз отвести от нее не может.

А великаны смотрят на Джамхуха и его товарищей и облизываются.

«Хороший будет у нас сегодня ужин, – думают, – каждому братцу по молодцу».

Наконец поднялся старший великан навстречу гостям и говорит:

– Пусть будет счастлив ваш приход, дорогие гости. Кто вы, откуда и куда путь ваш лежит?

Тут поклонился Джамхух великанам и говорит:

– Привет вам. Я – Джамхух – сын оленя, а это мои товарищи, верные мои спутники.

Пришел я свататься к вашей сестре. Говорите, какой выкуп желаете получить за нее?

Усмехнулись великаны:

– Выкупа нам не надо. Богатства у нас и своего довольно. Только не можем мы выдать нашу единственную сестру за первого встречного-поперечного. Покажешь свою силу-ловкость – сестра твоей будет, а мы к тебе в услужение пойдём, не покажешь – милости просим и тебя, и твоих товарищей к нам на ужин.

– Ладно, – говорит Джамхух. – Пусть будет по-вашему. Говорите, в чем хотите меня испытать?

Тут старший великан и говорит:

– Вон в углу лежит камешек, – и показывает на обломок скалы в три обхвата. – Если расколешь его своим кинжалом, значит, достоин ты нашей сестры.

Услышала красавица слова брата, и жаль ей стало Джамхуха. «Ах, – думает, – не разрубить этому прекрасному юноше камня, пока не обмотает он свой кинжал волоском из моей косы».

Не успела красавица и в мыслях своих сказать это, а Большеухий уже услышал ее слова, а Ловкорукий уже выдернул из ее косы волосок и дал Джамхуху. Обвил Джамхух этим волоском свой кинжал, размахнулся и с одного раза расколол камень – словно яйцо разрезал.

Растерялись великаны, не знают, что и сказать.

Наконец старший говорит:

– Вижу я, что ты и вправду молодец. Не знаю вот, что братья скажут.

Стали тут братья испытывать Джамхуха на все лады, каждый по-своему. Один говорит:

– Хочу я посмотреть, будет ли нам Джамхух достойным сотрапезником. Принесите-ка ему кабанью тушу, пусть съест.

Принесли слуги тушу кабана. Да не успели оглянуться, а ее уже нет. Объедало ее целиком проглотил. Тогда другой брат-великан говорит:

– Видим мы, что ты умеешь поесть, а вот покажи-ка теперь, как ты пьешь. – И приказал поставить перед Джамхухом бочку вина.

Вкатили слуги огромную бочку. Да не успели открыть ее, а она уже пустая – Опивало ее одним глотком осушил, только губы себе обмочил.

Совсем перепугались братья-великаны. А виду не показывают.

– Ну, – говорят, – пить-есть ты герой. Покажи-ка нам теперь, такой ли ты быстрый на ноги, как на еду. Тут недалеко озеро есть. Простому человеку туда неделя ходьбы, ну, а ты, верно, до захода солнца успеешь и на озере побывать, и к нам вернуться.

– Что ж, – говорит Джамхух, – я готов. Только скучно мне бежать одному. Кто из вас со мной побежит?

Смотрят великаны друг на друга, не знают, что и ответить. Не хочется им бежать с Джамхухом.

– Мы с тобой пошлем нашего слугу Быстрохода, – говорят наконец.

– Ладно, – говорит Джамхух. – Только тогда уж и я вместо себя своего слугу пошлю. Не пристало мне с вашими слугами состязаться, вперегонки с ними бегать.

Ничего не поделаешь, пришлось великанам согласиться.

А тем временем Скороход снял жернова с ног, сделал шаг – и только его и видели! Быстроход за ним бегом бежит, и вприпрыжку, и вприскок, а догнать не может. Прибежал к озеру чуть живой, еле дышит, на ногах не стоит.

А Скороход как ни в чем не бывало по берегу прогуливается, его поджидает.

– Ты что это, – говорит Скороход Быстроходу, – так медленно плетешься? Я пока ждал тебя, уже выкупаться успел.

Понял тут Быстроход, что без обмана никак ему не обойтись, и говорит:

– Вот что, друг. Мне за тобой, конечно, не угнаться, а тебе спешить некуда. Давай посидим, отдохнем, а потом в обратный путь двинемся.

Скороход и поверил ему. Лег на бережку, на солнышке греется, птиц в небе считает. А хитрый Быстроход вытащил из кармана колдовскую дудочку, сел рядом со Скороходом и давай в самое ухо ему наигрывать. Играл, играл, пока Скороход под эту музыку не заснул.

Тут Быстроход как даст ходу! Без оглядки бежит, боится, не проснулся бы Скороход.

А тем временем в замке братьев-великанов хозяева и гости на солнце посматривают, своих посланных ждут.

И вдруг насторожился Большеухий, недоброе что-то почуял. Вышел он во двор, лег на землю, слушает. Так и есть!

Спит Скороход крепким сном, даже похрапывает. А Быстроход через леса и горы шагает. Все ближе и ближе шаги его слышны.

Кликнул тут Большеухий своих товарищей – Остроглазого и Ловкурокуго. Один высмотрел, где лежит Скороход, а другой взял камешек, прицелился, да и метнул в него.

Вскочил Скороход, точно кто встряхнул его во сне. Видит – Быстрохода и след простыл, а солнце уж к закату клонится. Понял он тут, что обманули его, да горевать некогда, надо время наверстывать.

Отряхнул он песок с пяток, чтобы ни одна песчинка его не задерживала, весу ногам не прибавляла, и пустился шагать. На горы ступит – искры из камней сыплются, в воду ступит – пар к небу поднимается.

У самых ворот догнал он хитрого Быстрохода, перешагнул через него и вбежал в замок. Ухватился за выступ стены, едва на месте стоит. Уж до того разошлись у него ноги, что сами так ходуном и ходят, вперед несут.

А следом за Скороходом Быстроход тащится. На хозяев даже взглянуть не смеет. Знает, что несдобровать ему.

И верно, мрачнее черной ночи стали великаны. От их гнева потемнело все вокруг. Только сестра их красавица от радости вся точно сияет.

Сидят великаны, думают, как бы им от Джамхуха избавиться.

Думали, думали и наконец надумали.

– Должен ты, – говорят они Джамхуху, – пройти еще одно испытание. Видишь, посреди двора стоит шест? Так вот, поставь на голову чашу с водой и взберись-ка на этот шест. Если прольешь хоть одну каплю, не видать тебе ни сестры, ни белого света. Не прольешь – ступай на все четыре стороны и бери с собой молодую жену.

– Ладно, – говорит Джамхух. – Согласен.

Поставил он чашу с водой на голову и полез на шест.

До самого верха добрался, ни одной капли не уронил.

А шест высокий был. Как на ладони видны оттуда все горы и ущелья.

И вдруг увидел Джамхух далеко-далеко в горах олениху, вскормившую его. С целой стаей волков билась олениха. Храбро билась, но все-таки одолели ее волки, повалили на землю и растерзали.

От горя сжалось у Джамхуха сердце, и слезы полились из его глаз.

А великаны увидели капли, упавшие на землю, и обрадовались.

«Ну, – думают, – теперь-то мы отделались от тебя!»

И не успел Джамхух спуститься на землю, обступили великаны его со всех сторон и говорят:

– Хоть и смел ты, и умен, и ловок, а все-таки придется тебе расстаться с жизнью. Не наша вина, что пролил ты воду!

– Неправда, – говорит Джамхух, – ни одной капли воды я не пролил, полна чаша до краев!

– А это что же? – спрашивает старший брат-великан и показывает Джамхуху темные влажные пятна на песке.

– Не вода это, – говорит Джамхух, – это слезы из моих глаз.

– Сейчас узнаем, – говорит великан.

Нагнулся он, взял щепотку мокрого песку и положил себе в рот. И сразу точно передернуло его – горьким и горячим был этот песок, потому что горькими и горячими слезами плакал Джамхух.

– Твоя правда, – говорит великан, – твое счастье. Вижу я, что нам тебя не переспорить. Бери же нашу сестру себе в жены, а мы будем твоими слугами. Сейчас и обручение твое отпразднуем.

Семь дней шел в замке пир. До отвала все ели, до отказа пили. Только Обьедало голодным из-за стола встал, да Опивало едва губы обмочил.

Жадная мельничиха

Украинская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил в селе мельник с мельничихой. А рядом в хате жила старенькая старушка. Только и было у нее богатства что курочки в закутке.

А у мельничихи всего вдоволь. Да, видно, мало ей своего добра. Вот она возьми да и начни красть тех курочек. Как рано ни выйдет бабуся, все недосчитается то одной курочки, то другой, то беленькой, то черненькой, то пеструшки, то хохлушки.

Ну, она хоть и знала, кто курочек у нее берет, а помалкивала. Против мельниковой жинки разве пойдешь!

А мельничиха и рада – берет и берет курочек. Всех перебрала, один петушок остался. Ну, она и петушка взяла.

Вот вышла бабуся раным-ранехонько взглянуть на своего петуха, а петуха уж и нет. Чуть не плачет бабуся, а слова сказать не смеет.

В ту пору мельник как раз на ярмарку поехал. Возвращается домой, глядит: мельничиху и не узнать, вся как есть перьями обросла. Ну точно квочка по хате из угла в угол мечется.

Стал допытываться у нее мельник:

– Это что, жинка, за чудо с тобой приключилось?

Она ему и покаялась.

– Так, мол, и так, – говорит. – Покрала я курочек у бабуся, вот, видно, за это и вышло мне такое наказание.

Мельник к знахарке.

– Выручи, – просит. – Согрешила моя жинка, покрала у соседки-бабушки курочек, а теперь вся перьями обросла. Ну чисто клушка!

А знахарка и говорит:

– А что, бабуся та ругается?

– Да нет, – говорит мельник, – она не шумит. Только ведь все равно срам на все село. Перья-то не скроешь! А бабушка ничего, молчит, она незлобивая.

– Вот и плохо, – говорит знахарка, – что незлобивая. Пока не осерчает она на твою жинку, не спадут с нее перья.

Вернулся мельник в село и прямо к соседке.

– Доброго здоровья, бабуся, – говорит.

– Бывай здоров, добрый человек.

– Слышал я, – говорит мельник, – что у вас тут покража случилась.

– Какая там покража, – говорит бабуся. – У меня все цело.

– Как же цело-то? Курочки-то ведь пропали?

– Это верно, – говорит бабуся, – унес кто-то моих курочек.

– Как же так, бабуся, – говорит мельник, – обидел вас недобрый человек, а вы молчите.

– Да чего уж там, батюшка, – говорит бабуся. – Вот дождусь лета, куплю курочку с петушком и разведу себе цыплят.

А сама думает: «И чего это ему от меня надо? Верно, выведать хочет, не прячу ли я где курочек?»

А мельник не отстаёт:

– Как же можно так, бабуся? Вы этого вора хоть бы облаяли. Все легче на душе станет.

– А чего там лаяться, – говорит бабуся. – У меня на душе и без того легко. Я ведь чужого не краду.

Мельник и так и этак, да как ни бьется, с какой стороны ни подъезжает, а толку никакого. Не хочет бабуся лаяться – ну хоть плачь!

Уж солнце к закату снизилось, а мельник все от бабуси не уходит. И уж до того к ней привязался, что терпенья у нее не стало.

– Да будь он неладен, этот вор! – кричит она. – И ты тоже! Прилип, как слепень!

Обрадовался мельник.

– Вот это добре, – говорит. – Вот это славно! Спасибо вам, бабуся! – И пошел домой.

Приходит, а у мельничихи и правда все перья спали, в прежнем виде она, как полагается.

Ну, тут мельник на радостях ничего уж не пожалел: собрал всякой всячины – и галушек, и колбасы, и сала – и понес бабусе.

А мельничиха с той поры на чужое и глядеть боится – куриного пера не возьмет, не то что курочку.

Журавлиные перья

Японская сказка (Пересказ В. Марковой)

Давно-давно жили в одной горной деревушке старик со старухой. Очень они печалились, что детей у них не было.

Однажды в снежный зимний вечер пошел старик в лес. Собрал он большую охапку хвороста, взвалил на спину и начал спускаться с горы. Вдруг слышит он поблизости жалобный крик. Глядь, а это журавль попался в силок, бьется и стонет, видно, на помощь зовет.

– Ах ты, бедняга! Потерпи немного... Сейчас я тебе помогу.

Освободил старик птицу. Взмахнула она крыльями и полетела прочь. Летит и радостно курлычет.

Настал вечер. Собрались старики сесть за ужин. Вдруг кто-то тихонько к ним постучался.

– Кто бы это мог быть в такой поздний час?

Открыл старик дверь. Видит: стоит в дверях девушка, вся запорошенная снегом.

– Заблудилась я в горах, – говорит. – А на беду, сильно метет, дороги не видно.

– Заходи к нам, – приглашает старуха. – Мы гостье рады.

Взял старик девушку за руку и повел к очагу:

– Садись, обогрейся да поужинай с нами.

Поужинали они втроем. Видят старики, девушка красивая да такая ласковая. Стала она старухе по хозяйству помогать, а потом и говорит:

– Хочешь, бабушка, разомну тебе плечи, спину потру?

– Вот спасибо, доченька. Спина-то у меня и вправду болит. А как тебя по имени зовут?

– О-Цуру.

– О-Цуру, Журушка, хорошее имя, – похвалила старуха.

Пришлась старикам по сердцу приветливая девушка. Жалко им с ней расставаться.

На другое утро собирается о-Цуру в путь-дорогу, а старики ей говорят:

– Нет у нас детей, Журушка. Останься с нами жить.

– С радостью останусь, у меня ведь на свете никого нет... А в благодарность за доброту вашу натку я для вас хорошего полотна. Об одном только прошу: не заглядывайте в комнату, где я ткать буду. Не люблю, когда смотрят, как я работаю.

Взялась девушка за работу. Только и слышно в соседней комнате: кирикара тон-тон-тон.

На третий день вынесла о-Цуру к старикам сверток узорчатой ткани. По красному полю золотые журавли летят.

– Красота-то какая! – дивится старуха. – Глаз не отвести!

Пощупала ткань: мягче пуха, легче пера.

А старик взглянул на девушку и встревожился:

– Сдается мне, Журушка, что похудела ты. Щеки у тебя вон как впали. В другой раз не позволю тебе так много работать.

Вдруг послышался хриплый голос:

– Эй, дома, хозяйева?

Это пришел торговец Гонта. Ходил он по деревням, скупал у крестьян полотно. Спрашивает Гонта:

– Ну что, бабушка, есть у тебя полотно на продажу? Наткала, верно, за зиму-то?

– Есть на этот раз у нас кое-что получше, господин Гонта, – отвечает старуха. – Вот взгляни-ка. Это наткала дочка наша Журушка. – И развернула перед Гонтой алую ткань. Золотые журавли словно живые летят.

– О, такого прекрасного узора и в столице никто не видал. Ваша дочь, я смотрю, мастерица! – Гонта сразу полез в кошелек, достал пригоршню золотых монет. Понял он, что в княжеском дворце продаст такую замечательную ткань во сто раз дороже.

– Золотые монеты! Смотрите, настоящее золото! – Старики глазам своим не поверили. Впервые на своем веку видели они золото.

– Спасибо тебе, Журушка, спасибо! – от всего сердца поблагодарили девушку старик со старухой. – Заживем мы теперь по-другому. Сошьем тебе новое платье к празднику. Пусть все любят, какая ты у нас красавица.

Наступила весна. Пригрело солнце. Что ни день, прибегают к дому стариков деревенские дети:

– Сестрица Журушка, выйди, поиграй с нами.

Улыбается Журушка:

– Ну хорошо, давайте играть. Поплывем в гости к лунным феям.

Поднимут двое детей руки – это ворота в царство фей. А Журушка поет:

Поплывем мы в царство фей
Дружно, дружно, весело.
Облачко – как лодочка,
Серебряные весла.

Проходят дети в ворота веселой вереницей и стариков зовут:

– Дедушка, пойдем с нами играть! Бабушка, пойдем играть!

– Да полно вам, не тяните нас за руки так сильно, – смеются старики.

Но не всегда светить солнцу. И дождь полям нужен. Поглядит Журушка, что небо облака закрыли, и запоет:

Дождик, дождик, лей сильней,
Дождик, лей среди полей.
Дольше, дольше погости
На грушевом дереве.

Соберутся дети вокруг Журушки, а она им сказки рассказывает о разных диковинных птицах.

Хорошо было детям играть с Журушкой.

Но вот как-то раз снова пожаловал Гонта.

– Здравствуй, дедушка! Не найдется ли у тебя опять такой же ткани, как в прошлый раз? Продай мне, я охотно куплю.

– Нет, и не проси. Дочке моей о-Цуру нельзя больше ткать: очень она от этой работы устает. Боюсь, заболит.

Но Гонта чуть не силой всунул старику в руки кошелек, набитый золотыми монетами.

– Я заплачу тебе еще дороже, чем в прошлый раз. А если ты не согласишься, пеняй на себя. Худо тебе будет. Меня ведь сам князь к тебе прислал, – пригрозил Гонта. – Чтоб через три дня была ткань готова, не то головой заплатишься!

Ушел Гонта, а старик и старуха стали горевать:

– Беда, беда! Что же с нами теперь будет! Пропали наши головы.

Все слышала о-Цуру, хоть и была в другой комнате. Стала она утешать стариков:

– Не бойтесь, не плачьте. Через три дня будет готова ткань, красивее прежней.
Пошла девушка в ткацкую комнату и затворила дверь наглухо.

Вскоре послышался за стеной быстрый-быстрый стук: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

День, и другой, и третий стучит ткацкий станок.

– Журушка, кончай скорее, будет тебе! – тревожатся старик со старухой. – Ты, верно, устала, доченька?

Вдруг послышался грубый голос:

– Ну как, готово? Покажите мне.

Это был Гонта.

– Нет, показать нельзя. Журушка крепко-накрепко запретила к ней входить, пока она ткёт.

– Ого! Вот еще выдумки! Я вижу, ваша дочь привередница. Ну а я и спрашивать у нее не стану!

Оттолкнул Гонта стариков и настежь распахнул двери.

– Ой, там журавль, жу-жу-равль! – испуганно забормотал он.

Входят старики – и правда, стоит за ткацким станком большая птица.

Широко раскрыла она свои крылья, выщипывает у себя клювом самый нежный мягкий пух и ткёт из него красивую ткань: кирикара тон-тон-тон, кирикара тон-тон-тон.

Захлопнули старики дверь поскорее, а Гонта со всех ног убежал – так он испугался.

На другое утро прибежали дети звать Журушку.

– Журушка, выйди к нам, поиграй с нами или сказку расскажи.

Но в ткацкой комнате все было тихо.

Испугались старик со старухой, открыли дверь и видят: никого нет. Лежит на полу прекрасная узорчатая ткань, а кругом журавлиные перья рассыпаны... Начали старики звать дочку, искали-искали, да так и не нашли.

Под вечер закричали дети во дворе:

– Дедушка, бабушка, идите сюда скорее!

Выбежали старики, глядят... Ах, да ведь это журавль. Тот самый журавль! Курлычет, кружится над домами. Тяжело так летит...

– Журушка, наша Журушка! – заплакали старики.

Поняли они, что это птица, спасенная стариком, оборотилась девушкой... Да не сумели они ее удержать.

– Журушка, вернись к нам, вернись!

Но все было напрасно. Грустно, грустно, точно прощаясь, крикнул журавль в последний раз и скрылся в закатном небе.

Долго ждали старик со старухой, но Журушка так и не вернулась.

Есть, говорят, на одном из дальних островов большое озеро. Видели там рыбаки журавля с выщипанными перьями. Ходит журавль по берегу и все поглядывает в ту сторону, где старик со старухой остались.

Золотой кувшин

Адыгейская сказка (Пересказ А. Любарской)

Кто скажет – было то или не было, только верно, что жил на свете хитрый и жестокий царь. В жизни своей ни с кем не обошелся он по-хорошему, не было такого человека, которого бы он пожалел, не было такой собаки, которую бы он приласкал.

Все – от мала до велика – боялись царя, а сам он боялся только одного – старости.

Целыми днями сидел царь в своих покоях и рассматривал себя в зеркале.

Заметит седой волос – подкрасит краской.

Заметит морщинку – разгладит рукой.

«Нельзя мне стареть, – думает царь. – Сейчас все меня боятся, никто перечить не смеет. А сделаю старым и дряхлым – народ сразу перестанет меня слушаться. Как я с ним тогда управлюсь?»

И, чтобы никогда не вспоминать о старости, приказал царь убивать всех стариков.

Чуть только поседеет голова у человека, тут ему и конец. Царские стражники с топорами и секирами хватают его, ведут на площадь и рубят ему голову.

Со всех концов страны приходили к царю женщины и дети, юноши и девушки – все приносили царю богатые подарки, все проливали горькие слезы, все молили царя пощадить их отцов и мужей.

Наконец надоело царю слушать каждый день жалобы и причитания. Позвал он своих гонцов и велел им по всем городам и селам, на всех дорогах и площадях объявить народу о своей великой милости.

Оседлали гонцы коней и разъехались в разные стороны. На всех дорогах и улицах, на всех перекрестках и площадях трубили они в трубы и громко выкрикивали:

– Слушайте все! Слушайте все! Царь дарует вам свою милость. Кто достанет со дна озера золотой кувшин, тот спасет жизнь своего отца, а кувшин получит в награду. Такова царская милость! А кто не сможет достать кувшин, тот и отца не спасет, и сам голову потеряет. Такова царская милость!

Не успели гонцы объехать и половину страны, как стали сходиться и съезжаться к озеру храбрые юноши.

Берег озера был обрывистый, и с высоты его, сквозь чистую, прозрачную воду, ясно виден был прекрасный золотой кувшин с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

И вот прошло девяносто девять дней.

Девяносто девять храбрецов пытали свое счастье.

Девяносто девять голов отрубил жестокий царь, потому что никто не мог достать кувшин со дна озера – точно его заколдовал кто.

Сверху посмотреть – кувшин всякому виден, а в воде – никто найти его не может.

А в то самое время, в той самой стране жил юноша по имени Аскер. Очень любил Аскер своего отца, и, когда увидел он, что отец становится стар, что на лице его появляются морщины, а волосы становятся серыми от седины, увел Аскер отца далеко в горы, в глухое ущелье, построил там хижину и в этой хижине спрятал своего старика.

Каждый день, когда солнце уходило за горы, юноша тайком пробирался в ущелье и приносил отцу еду.

Вот однажды пришел Аскер в ущелье, сел возле отца и задумался.

– Какая забота у тебя на сердце, дитя мое? – спросил старик. – Может, наскучило тебе каждый день ходить сюда?

– Нет, отец, – ответил юноша, – чтобы видеть тебя здоровым и невредимым, я готов трижды в день ходить через эти горы. Другая забота у меня на сердце. Ни днем, ни ночью не выходит у меня из головы царский кувшин. Сколько ни думаю я, никак не могу понять, почему это, когда с берега смотришь в прозрачную воду, кувшин виден так ясно, что кажется, протяни только руку – и он твой. А стоит кому-нибудь прыгнуть в воду, вода сразу мутнеет, и кувшин точно сквозь дно проваливается, словно и не было его.

Старик молча выслушал сына и задумался.

– Скажи мне, сын мой, – сказал наконец старик, – не стоит ли на берегу озера, в том месте, откуда виден кувшин, какое-нибудь дерево?

– Да, отец, – сказал юноша, – на берегу стоит большое, раскидистое дерево.

– А вспомни-ка хорошенько, – снова спросил старик, – не в тени ли дерева виден кувшин?

– Да, отец, – сказал юноша, – от дерева падает на воду широкая тень, и как раз в этой тени стоит кувшин.

– Ну, так слушай меня, сын мой, – сказал старик. – Взберись на это дерево, и ты найдешь среди его веток царский кувшин. А тот кувшин, который виден в воде, – это только его отражение.

Быстрее стрелы помчался юноша к царю.

– Ручаюсь головой, – закричал он, – я достану твой кувшин, милостивый царь!

Засмеялся царь:

– Только твоей головы мне и не хватает для ровного счета. Девяносто девять голов я уже отрубил – твоя будет сотой.

– Может, так, а может, и не так, – ответил юноша. – Но боюсь я, что на этот раз не сровнять тебе счета.

– Что ж, попытай свое счастье, – сказал царь и приказал слугам поострей наточить секиру.

А юноша пошел к берегу и, не задумываясь, полез на дерево, которое росло над самым обрывом.

Народ, собравшийся на берегу, так и ахнул от удивления.

– Аллах да помилует его! Верно, от страха он лишился рассудка! – говорили одни.

– Может быть, он с дерева хочет прыгнуть в воду, – говорили другие.

А юноша тем временем взобрался на самую вершину и там среди ветвей нашел золотой кувшин – с тонким горлышком, с узорной резьбой, с выгнутой ручкой.

Только висел кувшин на дереве вверх дном, чтобы всем казалось, что стоит он в воде, как и подобает, вверх горлышком.

Снял юноша кувшин с дерева и принес его царю.

Царь так и развел руками.

– Ну, – говорит, – не ждал я от тебя такого ума. Неужто ты сам додумался, как достать кувшин?

– Нет, – сказал юноша, – я бы сам не додумался. Но у меня есть старик отец, которого я укрыл от твоих милостивых глаз, он-то и догадался, где спрятан кувшин. А я только послушался его совета.

Задумался царь.

– Видно, старики умнее молодых, – сказал он, – если один старик угадал то, чего не могли угадать девяносто девять юношей.

С тех самых пор в той стране никто пальцем не смеет тронуть стариков, все чтят их седины и мудрость, а когда встречают старого человека на пути, уступают ему дорогу и низко кланяются.

Как осел проглотил луну

Французская сказка (Перевод М. Абкиной)

На север от монтастриюкской церкви есть большой пруд. Здесь пастухи поят скот и женщины стирают белье.

Раз вечером, часов в шесть, а дело было в декабре, взошла луна и отразилась в воде пруда, как в большом зеркале. В это время к пруду подошел какой-то человек и стал поить своего осла. Пока осел пил, ветер вдруг переменялся и нагнал на небо тучи, так что стало совсем темно.

Хозяин осла испугался и побежал от пруда, крича:

– Мой осел пил воду и проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

На его вопли сбежались все жители Монтастриюка.

– Чего ты так раскричался?

– Мой осел проглотил луну! Мой осел проглотил луну!

Монтастриюкцы поглядели на небо, на пруд и заплакали, завопили:

– Его осел проглотил луну! Его осел проглотил луну!

Тотчас перед церковью собралось на совет все местное начальство.

– Приведите осла, который проглотил луну.

Привели осла.

– Осел! Это ты проглотил луну?

Осел поднял хвост и заорал.

– Вот, ты сам сознаешься, что проглотил луну! Что мы теперь будем делать, как нам ходить ночью? Ведь в темноте ничего не видно.

Осел опять поднял хвост и заорал.

– Ага! Вот как ты ведешь себя на суде! Хорошо же! Мы тебя приговариваем к смерти. Ты будешь повешен.

Через десять минут осла повесили на дереве. Но тут один из судей спохватился.

– Друзья, – сказал он, – мы превысили наши полномочия. Нам разрешается приговаривать к смерти. Но казнить мы не имеем права. Это право принадлежит только главному судье в Лектуре. На его месте я был бы очень недоволен тем, что здесь только что произошло! Знаете что: чтобы его умиловать, пошлем ему целый воз разной домашней птицы. Отошлем и мертвого осла. Главный судья позовет хорошего хирурга, чтобы извлечь луну у осла из брюха. Кроме того, в Лектуре найдется немало высоких лестниц. Если поставить такую лестницу на колокольне лектурского собора, то, я думаю, какой-нибудь ловкий и смелый слесарь отыщет способ приколотить луну на ее место в небе.

Сказано – сделано. Двенадцать молодых монтастриюкцев тотчас отправились в путь, нагруженные дарами для главного судьи – курами, индюками, гусями, утками. Другие двенадцать несли на плечах длинный дубовый шест, на котором был подвешен за четыре ноги мертвый осел.

Пока не миновали Флеранс, все шло хорошо. Но за Флерансом волки из Рамьерского леса учуяли запах дохлого осла и примчались стаями, рыча словно бешеные. Монтастриюкцы в страхе, побросав птиц и осла, галопом понеслись обратно в Монтастриюк.

В один миг волки сожрали всех птиц и до костей обглодали осла.

На другой день вечером взошла луна и сияла на небе, как обычно.

Монтастриюкские судьи вздохнули с облегчением.

– Рамьерские волки оказали нам громадную услугу, – говорили они. – Осел съеден, и главный судья в Лектуре не узнает, что мы сами повесили эту скотину. Ну а что касается луны, которую осел проглотил, – она, как видите, оказалась хитрее волков. Она от них ускользнула и сама вернулась на свое место в небе.

Клубок шерсти

Французская сказка (Перевод М. Абкиной)

Тетушка Миетта из деревни Месс была так скупа, так скупа, что готова была стричь шерсть с яйца.

Раз она, с прялкой в руке, гнала своих коров в поле Обеспи и нашла на дороге большущий клубок шерсти, похожий на какого-то зверька. Она проворно наклонилась, чтобы его подобрать, но так спешила, так спешила, что и не подумала о прядильнице, потерявшей клубок. Она уже видела его в объемистом кармане своего передника, который как будто нарочно сделан для этого.

Но тетушке Миетте никак не удавалось поймать клубок. Он все катился, катился вперед, и, чтобы схватить его, она второпях бросила у дороги свою прялку. Теперь у нее обе руки были свободны и жадно тянулись к клубку. Но клубок ускользал и все катился да катился вперед!

Тетушка Миетта забыла о своей прялке, брошенной на дороге, о своих двух красавицах коровах, которые по привычке спокойно пошли сами на выгон.

Она как сумасшедшая гналась за клубком, а тот все убегал от нее. Словно блуждающий огонек, мелькал он впереди и упорно не давался ей в руки. Задыхаясь, пробежала она через деревенский луг, поднялась, сама того не заметив, на холм Шатель-Гвизон. Тетушка Миетта готова была бежать за таинственным клубком хоть на край света. Наконец ей удалось ухватить не клубок, а кончик нитки, которая тянулась за ним.

Тетушка принялась наматывать нитку на пальцы и так постепенно намотала великолепный большой клубок. А тот, первый, не уменьшался и все убегал вперед, увлекая за собой старую Миетту.

Теперь она довольна: она держит обеими руками, прижимая к груди, громадный клубок шерсти. Она свяжет из него куртку и штаны мужу, юбку себе, а остальную шерсть продаст... Вот так удача! Тетушка Миетта не чувствует усталости.

Клубок скоро становится так велик, что уже невозможно наматывать на него нитку. Огорчилась тетушка Миетта, вздохнула, но делать нечего – оборвала нитку.

Вдруг желанный клубок, за которым она так гналась, как прыгнет – да и скрылся из виду! В тот же самый миг второй великолепный клубок, который она с таким трудом намотала, выскользнул из ее рук, а уж как она старалась удержать его.

И вот старуха снова бросается в погоню! Ей удалось опять поймать конец нитки. Двадцать раз сматывала она нитку в клубок, и двадцать раз ее работа кончалась ничем.

Тетушку Миетту видели в тот день в Мон-Редоне, и в Шастре, и в Урсьере – повсюду. Растрепанная, запыхавшаяся, измученная, бежала она за клубком, лихорадочно перематывая его.

Ее муж нашел обеих коров в поле Обеспи, а прялку жены – на краю дороги. А старая Миетта все не может остановиться, так и бежит до сих пор по лесам и полям.

Если найдете на дороге клубок шерсти, похожий на маленького зверька, подберите его, но только с тем, чтобы вернуть прядильнице, которая его обронила.

Лесной человек Яг-Морт

Сказка народа коми (Пересказ А. Любарской)

Было у одного охотника три сына. Вот пошел как-то отец с сыновьями на охоту – белок и рябчиков бить.

Живут они в лесу месяц, живут другой, живут третий. Хорошая охота выдалась, много зверя промыслили. Одна беда – не стало у них огня.

А мороз крепкий, сварить мясо не на чем, спать холодно.

– Давайте жребий кидать, – говорит отец сыновьям. – Кому выпадет, тот и пойдет домой за огнем.

Младший сын говорит:

– Погодите жребий кидать. Влезу я на самую большую ель, посмотрю: нет ли поблизости жилища. Если нигде нет, тогда надо домой идти.

Похвалил отец младшего.

– Ты толковый, – говорит, – хорошо придумал.

Полез младший сын на самую высокую елку, смотрит вправо-влево, смотрит вперед-назад и видит: далеко в лесу, словно волчий глаз, светится огонек.

Слез он с дерева и говорит братьям:

– Вон там-то и там-то огонь светится, верно, жилье есть.

Обрадовались братья, тоже на ель полезли. Правда, светится вдалеке огонек.

Спустились они на землю и стали спорить, кому за огнем идти.

Отец говорит:

– Пусть старший идет, он самый сильный, он скорее всех огонь принесет.

Хорошо. Взял старший ружье и пошел.

Вдруг видит: лежит на дороге чугунный горшок.

– Ты куда идешь? – спрашивает горшок.

– За огнем.

– Вернись лучше, не ходи, – говорит горшок. – Обожжет тебя огонь.

– Не обожжет, – говорит старший охотников сын.

И пошел дальше.

Попадается ему на дороге берестяной шердын.

– Ты куда идешь? – спрашивает шердын.

– За огнем.

– Вернись лучше, не ходи, – говорит шердын. – Обожжет тебя огонь.

– А может, и не обожжет, – говорит парень.

И дальше пошел.

Лежит на дороге толчая.

– Ты куда идешь? – спрашивает толчая.

– За огнем.

– Не ходи лучше, вернись, – говорит толчая. – Обожжет тебя огонь.

– Не обожжет, уберегусь, – говорит парень.

И опять пошел дальше.

Лежат на дороге грабли.

– Ты куда идешь? – спрашивают грабли.

– За огнем.

– Не ходи лучше, вернись, – говорят грабли. – Обожжет тебя огонь.

– Не обожжет, цел буду, – говорит парень.

И опять пошел дальше.

Шел, шел, видит – стоит избушка. Дверь открыта. В каменке огонь едва-едва теплится.

А хозяина нет.

Начал старший охотников сын дрова подбрасывать, огонь раздувать.

И вдруг над самым его ухом проговорил кто-то хриплым голосом:

– Ты что здесь делаешь?

Вскочил парень, смотрит: перед ним старик стоит – борода до полу, зубы словно колья торчат, руки точно крючья висят. Ну прямо леший! А это он самый и был – лесной человек Яг-морт.

– Тебе что здесь надо? – спрашивает лесной человек Яг-морт. – Ты зачем мой огонь трогаешь?

– Хочу себе взять! – говорит парень.

– А тебе горшок на дороге попался? – спрашивает лесной человек Яг-морт.

– Попался.

– А шердын попался?

– Попался.

– А толчая попалась?

– И толчая попалась.

– А грабли попались?

– И грабли попались.

– А что они тебе говорили?

– Говорили, чтобы я вернулся.

– А ты почему их не послушался? Знаешь, что это за горшок? – спрашивает Яг-морт, а сам зубами скрипит.

– Горшок как горшок, чтобы мясо варить, – отвечает парень.

– Вот и врешь, – говорит лесной человек Яг-морт. – А что за шердын, знаешь?

– Простой шердын, – отвечает парень, – чтобы муку держать.

– Вот и врешь, – говорит лесной человек Яг-морт. – А что за толчая, знаешь?

– Как не знать! Толчая и есть толчая – зерно толочь, – отвечает парень.

– Вот и врешь, – говорит лесной человек Яг-морт. – А что за грабли, знаешь?

– Чего тут не знать! Эка невидаль – грабли!

– Ничего-то ты не знаешь, – говорит ему лесной человек Яг-морт. – Ну, за это я тебя сейчас проучу хорошенько.

Схватил его за волосы, пригнул к полу, зажал между ногами и вырезал у него из спины ремень шириной в ладонь.

Едва вырвался от лешего старший охотников сын, а уж как вырвался – бросился бежать без оглядки. Про головню и думать забыл.

Пришел к отцу и братьям едва живой.

– Огонь принес? – спрашивает отец.

– Какой там огонь! Сам едва жив остался. Чуть не задушил меня леший.

А про спину молчит, только поеживается. Рассердился отец, послал среднего сына за огнем. Проходит день, и этот без огня возвращается, и у него из спины леший вырезал ремень.

Да про это молчит средний сын, только охает тихонько. Смеется младший брат над старшими.

– Ну что вы за охотники? – говорит. – Лесного человека испугались. Вы бы побили его, а потом и огонь бы унесли.

– Вот ты сам и сходи, – говорят братья. – И тебе достанется.

– Что ж, пойду, – говорит младший.

Взял ружье, взял топор и отправился в путь.

Шел, шел, видит – лежит на дороге горшок.

– Ты куда идешь? – спрашивает горшок.

– За огнем.

– Вернись лучше, не ходи, беду наживешь, – говорит горшок.

– Не пугай, не боюсь! – И дальше пошел. Попадается ему на дороге шердын.

– Ты куда идешь? – спрашивает шердын.

– За огнем.

– Вернись, не ходи, обожжет тебя огонь, – говорит шердын.

– Был бы только огонь, а уж я с ним управлюсь, – отвечает младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадается ему на дороге толчея.

– Ты куда идешь? – спрашивает толчея.

– За огнем.

– Не ходи, вернись, а то худо будет, – говорит толчея.

– Без огня еще хуже, – говорит младший охотников сын.

И дальше пошел.

Попадаются ему на дороге грабли.

– Ты куда идешь? – спрашивают грабли.

– За огнем.

– Вернись, не ходи, жалеть будешь, – говорят грабли.

– Вот возьму огонь и вернусь, – отвечает младший охотников сын.

И опять дальше пошел.

Дошел до избышки, входит, а там сам лесной человек Яг-морт лежит. Голова в одном углу, ноги в другом.

– Живешь-поживаешь, добрый человек, – говорит младший охотников сын. – Непустишь ли меня ночевать?

– Что ж, ночуй. Только не взять тебе того, за чем пришел. Ты горшок на дороге видел?

– Видел, – говорит младший охотников сын. – И шердын видел, и толчею видел, и грабли видел – все твое добро.

– А что это за горшок, знаешь? – спрашивает лесной человек Яг-морт. – Что за шердын, что за грабли, что за толчея, знаешь?

– Знаю, – отвечает младший охотников сын. – Горшок – твоя голова, шердын – твое тулово, грабли – твои руки, толчея – твои ноги. Если непустишь меня ночевать, разобью я твою голову, изломаю руки-ноги, разрублю на куски тулово.

– Ну, вижу я, что ты больно умный, – говорит лесной человек. – Полезай на печку да рассказывай мне сказки. Да такие, чтобы было в них все небывалое, а бывалое скажешь – волосы выдеру.

– Ладно, слушай, – говорит младший охотников сын. – Только если перебьешь меня, тогда уж я у тебя волосы выдеру.

– И то ладно, – говорит лесной человек Яг-морт.

Залез младший охотников сын на печку, стал рассказывать:

– Полетел я как-то на небо, три года летел, наконец долетел. А на небе все люди вверх ногами ходят. «Почему же это вы вверх ногами ходите?» – спрашиваю у них. А они мне говорят: «Потому вверх ногами ходим, что нечем сапоги шить, щетины у нас нет». А я им говорю: «Давайте я вам без щетины сапоги сошью. У леших волосы еще лучше щетины». Вот потому я и пришел к тебе – волосы у тебя повырывать.

Услышал это лесной человек Яг-морт и обеими руками за голову схватился.

– Не дам волосы рвать! – кричит.

– Дашь не дашь, а раз слово сказал, вырву, – говорит младший охотников сын. – Такой уж у нас был уговор.

Запустил руку лешему в волосы, и сколько рука захватила, столько и вырвал.

Леший так и съежился весь. А младший охотников сын опять рассказывает:

– Сшил я всем сапоги и пошел гулять по небу. Вижу – мужик на гумне овес лопатой веет.

А из-под овса мякины летит видимо-невидимо. Наловил я этой мякины, свил веревку и стал той веревкой всех ледяных ловить. Выловил ледяных, а водяные за ними сами идут. Гляди, вот уже к дому подошли!

Вскочил леший – и к дверям.

– Зачем же обманываешь? – говорит. – Никого тут нет!

– А как же мне не обманывать, когда сам ты велел, – говорит младший охотников сын.

И опять руку в волосы ему запустил – да и выдернул целую копну волос.

Совсем притих лесной человек Яг-морт, сидит, голову потирает.

А младший охотников сын опять рассказывает:

– Пошел я как-то на охоту. Дошел до озера, стою и думаю: как бы мне на другой берег переправиться? Вдруг вижу: сидят на дереве мухи, много мух. Я их всех переловил, ниточкой связал и сам за конец ниточки ухватился. Мухи полетели и меня подняли. До середины озера донесли, а тут как раз нитка и оборвалась. Упал я в озеро, вот-вот утону. А на озере утки сидели. Поймал я одну за ногу, ну она меня к берегу и подтащила. Вот стою я на берегу и не знаю, что делать. Огня нет – ни высохнуть мне, ни согреться. Вдруг смотрю: идет медведь. Поднял я ружье, чтобы выстрелить, а медведь и говорит: «Ты в меня не стреляй, лучше скажи, что тебе нужно?» Опустил я ружье, говорю: «Разводи огонь, замерз я». А медведь отвечает мне: «Как же я огонь разведу? Мне нечем. Коли хочешь, садись ко мне на спину, я тебя отнесу туда, где огонь есть». Сел я на медведя, и понес он меня по лесам, по болотам, через реки, через озера и к тебе принес. А ты огня не даешь.

– Эй, Мишка! – крикнул тут в окно младший охотников сын. – Иди в избу, задуши этого лешего!

Так и задрожал со страху лесной человек Яг-морт.

– Что хочешь, – говорит, – бери, только уведи медведя.

– Нет, – говорит младший охотников сын, – пусть задушит тебя, чтобы не оставял ты людей без огня. – И опять в окно кричит: – Мишка, иди сюда!

– Ой, не пускай медведя, – плачет леший, – все тебе дам, только вели медведю уйти. На вот, бери огненный камень, бери железку. Ударить железкой по камню, и будет у тебя огонь. Возьми сумку с дробью, из нее сколько ни вынимай зарядов, всегда полная будет. Возьми ружье самострельное. Все бери, только оставь живым.

– Нет, – говорит младший охотников сын, – мне этого мало. Отдавай ремни, что ты у братьев из спины вырезал.

– Бери, – говорит леший, – и это бери.

И повел младшего охотникова сына в свою кладовку. А там все стены увешаны ремнями из человеческой кожи.

– Зачем же ты ремни из человеческой кожи хранишь? – спрашивает младший охотников сын.

– А это, – говорит лесной человек Яг-морт, – я счет веду вашим людям, тем, которых я напугал. А таких, что меня напугали, еще не было, ты первый.

Спрятал младший охотников сын камень с железкой в карман, обменял свое простое ружье на самострельное, надел через плечо сумку с дробью, спрятал за пазуху два кожаных ремня, а лесной человек Яг-морт еще целебной травы ему дает.

– Бери, бери, – говорит, – пригодится!

Потом распрощались они, и отправился младший охотников сын в обратный путь.

Встречают его братья и спрашивают:

– Где же твой огонь? Что-то не видно его!

– А он вот здесь у меня спрятан, – отвечает младший брат и вытаскивает свой камень.

Ударил по камню железкой, огонь сразу и вырвался. Глазам своим не верят братья!

– А ну-ка, дай и нам попробовать!

– Что ж, пробуйте, – говорит младший брат. – А мне подставляйте-ка ваши спины, я вам кожу залатаю!

И достает из-за пазухи два ремня.

Приложил один ремень к спине старшего брата, другой – к спине среднего брата, обвязал целебной травой, и сразу приросла кожа к их спинам.

– Смотрите ж, в другой раз умнее будьте! – говорит младший брат старшим.

Потом развели они большой огонь, нажарили мяса, наелись, напились, обогрелись, обсушились и с богатой добычей вернулись домой.

А лесной человек Яг-морт с тех пор так и остался безо всего – ни огня у него нет, ни ружья с сумкой. Ничего он сделать людям не может, только зря пугает.

Мороз и Морозец

Литовская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил-был на свете старый седой Мороз. И был у него молодой сын.

Ну и любил же он похвастаться, этот молодой Морозец!

Только, бывало, и твердит: «Отец уже стар, плохо свое дело делает. А вот я – молодой да сильный. Я как возьмусь, так сразу все кругом заморожу».

Вот раз видит Морозец: едет в город толстый пан в меховой шубе.

«Ну, – думает Морозец, – покажу я на этом пане всю свою силу. Старику-то, моему отцу, его ни за что не пронять, а я разом прохвачу».

Всю дорогу бежал он за паном, насквозь его пробрал, с головы до ног. И на обратном пути от него не отставал, до самого дома проводил.

Как приехал пан домой, так и помер.

Расхвастался Морозец перед отцом:

– Где тебе, старому, такого толстого пана, да еще в такой толстой шубе, заморозить! А вот я так сразу донял!

– Молодец! – говорит старый Мороз. – Шуточное ли дело – этакого пана, да еще в шубе, одолел! А ну-ка, заморозь теперь вон того мужика. Видишь? В лесу дрова рубит.

Посмотрел на мужика Морозец, и смешно ему стало: шубенка на мужике дырявая, сам он тощий – одна кожа да кости.

– Ну, это разве работа? – говорит Морозец. – Мне на него только раз дунуть – он и готов.

Налетел Морозец на мужика, да как начал его пробирать то с одного бока, то с другого, то в лицо дохнет, то за шиворот заберется, изо всех сил старается.

А мужику хоть бы что, только сильнее топором машет да пот со лба вытирает.

– Ух, – говорит, – жарко!

Устал наконец Морозец.

«Ладно, – думает, – я тебя все равно перехитрю. Еще узнаешь меня!»

И забрался мужику в рукавицы – мужик-то до того разжегся, что снял их и на дрова кинул.

Вот нарубил мужик дров, увязал их, шапку поглубже нахлобучил и взялся за свои рукавицы.

Смотрит, а они насквозь промерзли, не гнутся даже, точно ледяные. Что тут делать? Взял он топор и давай обухом рукавицы колотить да разминать. Так Морозцу бока намял, что тот насили до дому доплелся.

А старый Мороз, как увидел сына, засмеялся и говорит:

– Вот тебе, простаку, наука! Силы-то в тебе много, а ума – еще не набрался.

Обезьянье царство

Японская сказка (Пересказ В. Марковой)

Давно-давно это было.

Жил в одной горной деревушке старик с тремя сыновьями. Земли у них было с кошкин лоб. Чаю и вина не пили они и в большой праздник.

Настал неурожайный год. Пришлось двум старшим сыновьям идти в город на заработки. Младшему только десять лет было. Остался он дома с отцом.

Как-то раз прислали старшие сыновья отцу из города триста медяков.

– Послушай, Сабуро, ты у меня смышленный, – говорит отец мальчику. – Научился бы торговать вразнос, нам бы легче стало. Вот тебе сто медяков, купи на них какого-нибудь товару и продай хоть с малой прибылью. Все будет подспорье в хозяйстве.

Идет Сабуро по дороге, а что купить, как продавать – он и не знает. Продавать горшки? Еще побьются. Продавать каштаны? Еще рассыплются. Продавать редьку? Еще никто не купит.

Вдруг видит Сабуро, навстречу ему старуха ковыляет. Несет она мешок, а в мешке кот мяучит, да так жалобно!

– Бабушка, куда ты кота несешь? – спрашивает Сабуро.

– Несу я его, сынок, в реке топить. Он мышей не ловил, у соседей цыпят таскал... Пусть-ка теперь ловит рыб на дне.

Еще жалобней кот замыкал.

– Бабушка, бабушка, не топи кота. Лучше продай его мне, я тебе сто медяков дам.

– Как, ты и вправду хочешь купить этого негодника? Бери, бери, милый. Вот радость-то какая! Слово в раскрытый рот сладкий пирожок сам собой залетел...

Взяла старуха сто медяков и пошла домой, не помня себя от радости.

– Вот видишь, котик, в какую беду ты чуть не попал. Вперед тебе наука. Не таскай чужого. Возьму я тебя домой, и давай жить в дружбе.

Принес Сабуро кота домой. Ничего не сказал отец, только вздохнул. Вот и еще лишний рот в доме прибавился.

На другое утро снова дал отец мальчику сто медяков.

Идет Сабуро по дороге, а навстречу ему старик бредет, согнутый, словно стебель камыша под зимним снегом. Несет старик мешок, а в мешке собака визжит.

– Дедушка, дедушка, куда ты собаку несешь?

– Несу в реке топить. Она дом не сторожила да – мало того! – таскала чужих поросят.

Привяжу камень к мешку – и в воду.

При этих словах собака еще горестней завизжала. Говорит Сабуро:

– Дедушка, не топи собаку в реке, лучше продай мне. Я тебе сто медяков дам.

– Сто медяков за этого скверного пса! Да я бы его и даром отдал.

Взял старик деньги и пошел домой довольный.

– Вот видишь, песик, несдобровать бы тебе, если б я твоему хозяину на дороге не попался.

Другой раз не делай худого.

Привел Сабуро собаку домой. Ничего не сказал отец, а про себя подумал: «Самим есть нечего, а тут еще корми кота с собакой».

На третье утро вынул отец из сундучка сто медяков, отдал мальчику и говорит:

– Ну, сынок, это наши последние деньги. Смотри на этот раз потратить их с толком.

Целый день бродил Сабуро из деревни в деревню. Не умеет он ни покупать, ни продавать. Стало солнце за горы садиться. Вдруг видит Сабуро, деревенские мальчишки тащат на веревке маленькую обезьянку. Дразнят они ее, щиплют, мучают. Обезьянка уже еле-еле дышит, из глаз слезы катятся.

Закричал Сабуро:

– Вы зачем обезьянку обижаете?

Ответил ему главный заводила:

– А ты откуда взялся, чтобы нам указывать? Эта глупая обезьянка никаких забавных штук делать не умеет. Только визжит.

– Отдайте мне обезьянку, я вам за нее сто медяков дам.

– Сто медяков? Да ну? Давай скорей!

Схватили мальчишки деньги и убежали с шумом и гамом.

– Ты еще совсем маленькая, – говорит Сабуро обезьянке. – Ничего не смыслишь. Другой раз не подходи близко к деревне, чтобы мальчишки опять тебя не поймали. Ну, беги, беги в горы.

Отпустил Сабуро обезьянку. А она несколько раз наклонила голову, словно в знак благодарности, и наутек.

Солнце совсем уже скрылось за горами. Стало темно. Вспомнились тут мальчику слова отца: «Это наши последние деньги». Стыдно возвращаться домой с пустыми руками. Сел Сабуро под деревом и задумался.

Вдруг послышался крик: «Кья-кья!» Видит Сабуро, появилась перед ним обезьянка. Э, да это опять та самая!

– Ты зачем здесь? Беги прочь, спасайся, глупая.

Вдруг обезьянка заговорила человеческим голосом:

– Сабуро-сан, я рассказала моему дедушке, как ты меня спас. Он велел привести тебя. Мой дедушка – обезьяний царь. Пойдем, я отведу тебя в наше царство.

Захотелось Сабуро побывать в обезьяньем царстве. Пошел он через горы и долины. Ночь была светлая, лунная. Обезьянка впереди – дорогу показывает. Завела она мальчика далеко в глубь пустынных гор.

Вдруг увидел Сабуро перед собой белый каменный замок. У железных ворот стоят на страже с копьями в руках большие лохматые обезьяны. По знаку маленькой обезьянки отперли они ворота.

Ввели Сабуро в просторный зал. Сидит там на высоком помосте обезьяний царь, старый-старый. На щеках глубокие морщины, из ушей белая шерсть растет. Одежда на нем золотом сверкает.

– Спасибо, что к нам пожаловал, – говорит обезьяний царь. – Этот неразумный детеныш – мой единственный внук. Погибни он – пришел бы конец моему роду. Не знаю уж, как и благодарить тебя.

Хлопнул царь в ладоши. Вбежали тут слуги. Несут золоченые подносы. На подносах чего-чего только нет! И рыба, и дичь, и сласти разные.

Устроили обезьяны веселое представление. Насмешили своего гостя до слез.

На прощание сказал обезьяний царь:

– Вот тебе в подарок бесценное сокровище за то, что ты моего внука спас.

Дал он Сабуро мешочек из алой парчи.

– Лежит в этом мешочке золотая монета. Подбрось ее в воздух и пожелай что хочешь. Все исполнится. Прощай! Доброго тебе пути.

Было уже утро, когда маленький внучок обезьяньего царя вывел Сабуро на проезжую дорогу к самому подножию горы.

Тут они и простились.

Вернулся Сабуро домой, видит, отец сам не свой.

– Всю ночь я не спал, думал, ты уж не вернешься.

– Прости, отец, но не зря бродил я ночью в горах. Больше не придется нам голодать.

Достал Сабуро из-за пазухи алый мешочек, раскрыл его и вытряхнул золотую монету.

– Для начала, отец, пожелаем хороший дом. Наша-то лачуга совсем развалилась. Льет в ней дождь, как на улице.

Подбросил Сабуро монету вверх. Покатилась она, зазвенела.

– Монета, монета, подари нам хороший дом!

Ждут старик отец и Сабуро, что-то будет.

Вдруг послышался треск и грохот. Не успели они и глазом моргнуть, как все вокруг переменялось. Сидят они в хорошем доме, на новых циновках. Вышли они во двор, смотрят: вместо гнилой соломы крыша красной черепицей крыта. Кладовые рисом и ячменем набиты.

– Уж не во сне ли я это вижу?! – радуется отец.

Вся деревня сбежалась смотреть на невиданное чудо. Созвал старик всех на пир, никого не забыл.

Толстый Гомбэй пришел, как гусь. Шею вытянул. А ушел, как черепаха. Весь согнулся, и на спине мешок подарков.

Вернулся сосед домой, не спится ему. Жадным он был, таким жадным, что в деревне про него говорили: «У Гомбэя из глотки рука тянется. Так и норовит чужое ухватить».

Рано-рано утром, только рассвело, пришел Гомбэй к старику отцу и попросил в долг чудесную монету:

– Пусть покарают меня боги, если не верну вашу монету через три дня в целости и сохранности.

Никогда старик никому в просьбе не отказывал. Дал он Гомбэю чудесную монету.

Но вот прошло и три дня, и четыре, и пять. Стал Сабуро тревожиться. Не несет сосед монету. А тут как раз вернулись домой старшие братья. Видит Сабуро, обносились они, обтрепались. Захотелось ему нарядить своих братьев в новую одежду.

Пошел он к Гомбэю, просит возвратить чудесную монету. Вернул монету Гомбэй. Лежит она, как была, в мешочке из алой парчи.

– Ну, – говорит Сабуро братьям, – увидите, что сейчас будет. Сами себя не узнаете.

Подбросил он монету в воздух.

– Наряди моих братьев в новую одежду, да покрасивее.

Покатилась монета, зазвенела. А братья как были, так и остались оборванными, в лохмотьях.

– Что это? Не слушается монета, – удивился Сабуро. – Верно, плохо я ее подкинул.

Много раз бросал он монету в воздух – и все без толку.

– Так вот оно что! Мою чудесную монету подменили. Подсунул мне взамен плут Гомбэй эту пустозвонку. Какое несчастье! Пойду, потребую у него, чтобы отдал мне мою волшебную монету.

Побежал Сабуро к Гомбэю, а тот в ответ: не знаю, мол, ничего. Что получил, то и вернул. Хоть на весы клади монету – та же самая.

Вернулся Сабуро домой ни с чем и заплакал горькими слезами.

Опечалились, глядя на него, кот с собакой. Толкуют между собой, совет держат, как хозяйину в несчастье помочь.

– Он наш спаситель. Хоть головы сложим, а вызволим его из беды.

Побежали кот с собакой к дому Гомбэя. Глядят, у того не дом, а княжеский дворец. Стоят вокруг семь белых стен, кольцо в кольцо.

Бегают собака вокруг ограды, не может в дом пробраться. А коту стены не страшны. Залез он к соседу на чердак и притаился в углу. Пробежала мимо мышка. Кот ее цап-царап. Запищала мышка в его когтях.

Вышла тут из норки старая мышь с седыми усами, склонила голову и стала просить:

– Господин кот, уважаемый господин кот! Осмелюсь доложить, у нас, мышинового народа, сегодня большое торжество. Мы играем свадьбу. Да вот беда, ты невесту поймал. Жаль нам жениха, он сейчас так страдает. Будь милостив, пощади невесту.

– Что ж, пожалуй, я согласен. Но даром, так и знай, я ее не отпущу, а только за выкуп. Здесь где-то в доме спрятан красный мешочек с золотой монетой. Принесите мне его, а я, так и быть, разожму свои когти.

Тут изо всех углов выскочило множество мышей. Рассыпались они в разные стороны, словно листья на ветру, и пустились на поиски.

Много времени не прошло, бежит старая мышь, в зубах красный мешочек держит.

– Взгляни, господин кот, тот ли это, который тебе нужен?

– Он самый. Где же вы его разыскали?

– В спальне нашего хозяина Гомбэя.

– Молодцы! За это отпускаю на волю вашу невесту. Веселитесь, играйте свадьбу.

Схватил кот мешочек в зубы и скорей бежать. Мигом перескочил через семь стен. У ворот собака дожидается.

– Ах, бедный, как ты устал! Дай я мешочек понесу.

– Нет, пес, не дам я тебе мешочка. Мой подвиг – моя и слава.

– Это что ж выходит! Шли мы с тобой вдвоем на врага, как верные товарищи, а воинская слава тебе одному достанется? А я, значит, неблагодарный, не сослужил моему хозяину службы! Как же я теперь людям на глаза покажусь?

И так обидно стало собаке, что не вытерпела она, вырвала у кота мешочек – и бегом домой. Вперед кота добежать торопится.

А по пути надо было через речку переплыть. Бросилась собака в воду и плывет. Кот сзади гонится.

– Мяу-мяу, пес – разбойник, вор, отдай мою добычу!

– Гав, не отдам! – твякнула собака и упустила красный мешочек в воду.

Пошел мешочек на дно – ведь в нем тяжелая монета была.

Вот беда какая! Вылезла собака на берег, отряхнулась и, поджав хвост, поплелась домой, как побитая. Ругает себя, да уж поздно.

Подбежал кот к речке. Вдруг возле самого берега плеснула хвостом большая рыба. Поймал ее кот, понес в зубах своему хозяину. Хочет хоть чем-нибудь его в горе утешить.

Взял рыбу Сабуро и стал резать на тонкие ломтики, чтобы угостить отца с братьями. Вдруг из брюха рыбы выпал мешочек из алой парчи. Открыл его Сабуро, а в нем золотая монета лежит.

Глазам своим Сабуро не верит. «Уж не моя ли это монета?» – подумал он.

Тут рассказал ему кот все как было.

Подбросил Сабуро монету в воздух.

– Монета, монета, наряди моих братьев в новые одежды.

Глядят старшие братья друг на друга и не узнают. Вместо лохмотьев на них новая красивая одежда.

Тут пошло такое веселье в доме, что и не описать. А Сабуро сказал коту с собакой:

– Вы оба хотели помочь мне, не жалея своей жизни. За это спасибо! Но собака схитрила, отняла чужую добычу. И потому вот как я решил. Ты, кот, будешь жить у меня в доме и спать возле теплого очага. А ты, собака, станешь во дворе дом сторожить.

Так с тех пор и повелось. Живет кот в доме, а собака во дворе, и нет между ними прежней дружбы.

Ох

Белорусская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жила на свете старенькая старушка, и был у нее один-единственный сын.

В бедности жили они, и пришлось матери отдать своего сына в работники к богатому мужику.

Живет парень у мужика год, живет другой, и невмоготу ему стало. Да ведь это не диво – богатый бедного не приласкает.

Приходит парень к матушке и горько так плачется:

– Матушка моя, кормилица, жил я у хозяина один год – ничего, жил другой год – так себе, а третий год – сил нет терпеть, до того плохо.

А мать ему и говорит:

– Не плачь, сынок, найду я тебе место хорошее и работу легкую.

И пошла она, а куда идет – сама не знает. Шла, шла, одну дорогу прошла, другую, третью – и совсем уморилась. Села среди поля на холмике и тяжело так вздохнула:

– Ох, жизнь моя горькая!

А Ох тут как тут.

– Ты что это, старушка, меня зовешь?

– А ты кто такой? – она спрашивает.

– А я и есть Ох. Говори, что тебе надо, – все сделаю.

– Мне много не надо, – отвечает старушка, – дал бы ты моему сыну работу легкую и место хорошее. Век тебя добром поминать буду.

– Что ж, это можно, – говорит Ох. – Приводи сына, я его к себе возьму.

Пришла старушка домой и говорит:

– Ну, сын мой, идем. Нашла я тебе место хорошее и работу легкую.

Вот и пошли они. Шли, шли, наконец дошли до того самого места, где холмик был. При села старушка и говорит:

– Ох, чует мое сердце недоброе.

А Ох уже тут как тут.

– Здравствуй, милая моя старушка! Привела сына?

– Привела. Да ты, смотри, его не обижай.

– Что ты, что ты! Я и пальцем его не трону, – говорит Ох. – А надолго ли сына мне отдаешь?

Старушка и рада бы совсем не отдавать, да поздно. Что сделала, того уж не воротишь.

– Ну, я его на три года беру, – Ох говорит.

И не успела она охнуть – ни сына, ни Оха как не бывало.

Заплакала бедная старушка и побрела к себе домой. Ведь, бывало, одну недельку сына не видит – и то уже хвора делается. А тут – три года!

Вот живет она одна-одинешенька в своем домике и год, и два, и три. Наконец настал тот день, когда можно ей идти за сыном.

Собралась старушка и пошла. Весело так идет!

Прошла одну дорогу, вторую, третью – приходит на то самое место, где простилась с сыном. Села на холмик и говорит:

– Ох! Дождалась я хорошего дня!

А Ох тут как тут.

– Что, старуха, верно, за сыном пришла?

– Да, мой голубчик, твоя правда. За сыном пришла.

– Ну подожди немного, – этот Ох говорит, – сейчас приведу его к тебе.

И вдруг гонит он к ней двенадцать жеребцов. Жеребцы отборные, рост в рост, хвост в хвост, глаз в глаз и глядят как раз.

– Ну-ка, – говорит, – признавай, который твой сын?

А старушка и говорит:

– Ох, ты мой голубчик! Да разве я тебе такого сына отдавала? Отдавала я тебе молодца, а ты мне даешь жеребца.

Тут погнал Ох назад всех жеребцов, а ей говорит:

– Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его. Ступай домой, приходи завтра опять.

Заплакала старушка и пошла домой. Идет, бедная, и дороги перед собой не видит.

На другой день опять собралась старушка на то самое место.

Прошла одну дорогу, и вторую, и третью, села на тот самый холмик и говорит:

– Ох, горе мое горькое! Не видать мне, верно, моего сыночка!

А Ох тут как тут.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, здравствуй, миленький!

– Что, верно, за сыном пришла?

– За сыном, за сыном, миленький!

– Ну погоди, сейчас я его приведу.

Вот через минуту прилетели двенадцать голубей – клюв в клюв, глаз в глаз, ножка в ножку и воркуют понемножку.

– Ну, бабушка, – говорит Ох, – узнавай, который твой сын.

А она и говорит:

– Ох, беда ты моя! Зачем мне твои птицы? Я ведь тебе отдавала молодца, а ты мне даешь голубца.

– Ну, раз не узнала своего сына, так и не получишь его, – говорит Ох и махнул голубям, чтобы назад летели. – А ты, бабушка, приходи завтра. Ежели в третий раз не признаешь своего сына, останется он у меня на веки вечные.

Было у старухи горе горькое, а теперь еще горше стало. Идет она домой и в голос плачет:

– Что же делать мне, как мне сына узнать?

Вот дождалась она завтрашнего дня и опять в путь отправилась.

Прошла одну дорогу, прошла другую, к третьей подходит.

Тут встречается ей старенький старичок.

– Здравствуй, бабушка! – говорит старичок.

– Здравствуй, старичок почтенный!

– Куда идешь, бабушка?

– А иду я, старичок мой почтенный, сама не знаю куда. Отдала я своего сынка на легкий заработок, а теперь ума не приложу, как выручить его. Два раза уж ходила, а без сына вернулась. Первый раз выбежали ко мне жеребцы, второй раз вылетели голубцы, да что мне в них? А сына я так и не видела.

Старичок ей и говорит:

– Да ты и теперь его не увидишь.

– Ах, старичок почтенный, – плачет старушка, – не научишь ли, как его узнать?

– Ладно уж, – отвечает старичок, – научу. Как придешь на место, выйдут к тебе двенадцать молодцев – волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать

молодцев с песнями выйдут, прямо в глаза тебе смотреть будут, а двенадцатый в землю потупится, на тебя даже не взглянет. Ты на него и показывай. Это и есть твой сын.

Поблагодарила старушка старичка и пошла дальше. Пришла на то самое место, где с сыном простилась, села на холмик и залилась горькими слезами.

– Ох, – плачет, – где-то сыночек мой? Увижу ли я его когда-нибудь?

Не успела сказать, а Ох тут как тут.

– Здравствуй, бабушка!

А та за слезами слово молвить не может.

– Что, верно, за сыном пришла? – спрашивает Ох.

Она только головой кивает.

– Ну подожди, – говорит Ох. – Сейчас он к тебе выйдет.

Вот привел он двенадцать молодых и говорит:

– Ну, бабушка, выбирай, который твой сын.

Смотрела она, смотрела, а молодые все на одно лицо – волос в волос, голос в голос, глаз в глаз и глядят как раз. Только одиннадцать молодых глядят весело, а двенадцатый нахмурился, в землю уставился.

– А вот он мой сын, – говорит старушка и на него показывает.

Дивится Ох:

– Да почему же ты знаешь, что это твой сын?

– Как же не знать, голубчик ты мой, – говорит старушка, – ведь кровь-то своя.

– Ну что поделаешь, – говорит Ох, – бери, раз угадала. Твой это сын.

Рада старушка, ну прямо сказать нельзя как!

Пришли они домой.

А в доме хлебной крошки – и то нет. Нечем старушке угостить сына.

– Видно, придется нам с голоду пропадать, – плачет старушка.

– погоди, матушка! – говорит сын. – Все у нас будет, что нужно. Не зря же я три года уму-разуму набирался. Сейчас обернусь я конем, а ты веди меня в город и продавай за хорошую цену. Только смотри не забудь уздечку с меня снять. Уздечку никому не отдавай. А то и меня отдашь.

Тут вынул он какое-то зелье, сперва понюхал, потом вокруг себя побрызгал и враз обернулся конем. Да каким конем! Такого еще на свете не бывало, да никогда и не будет.

Ноги у коня точеные, копыта золоченые, сбруя серебряная, уздечка шелковая.

Привела его старушка в город на базар, а он копытом как топнет, как заржет! Весь город всполошился.

Сбежались отовсюду и купцы, и господа, и генералы, и мастеровые – все конем любят, налюбоваться не могут.

– Что, бабушка, продаешь лошадь или купила? – спрашивают.

– Да продаю, извольте купить.

Вдруг откуда ни возьмись какой-то бородатый дядька подходит и говорит:

– Продай, бабушка, мне этого коня.

– А купи!

– Что возьмешь?

– Давай пять тысяч. Только уговор – уздечка чтобы мне осталась.

– Да полно, бабушка, – говорит бородач. – Ну что тебе в этой уздечке? К чему она тебе без коня?

Торговался, торговался и выторговал себе уздечку. Выложил деньги, взял коня под уздцы и повел.

А старуха домой пошла.

И взяло ее по дороге раздумье.

«Что же это я наделала? – сама себе говорит. – Ведь приказывал же мне сын с уздечкой не продавать, а я, дурная, хоть и знала, а уздечку отдала».

Тут и догадалась она.

«Не иначе, – думает, – как этот самый Ох и купил у меня коня, опять сына у меня взял».

И заплакала она горькими слезами.

Вот подходит она к деревне. Видит: возле трактира конь стоит, к крыльцу привязанный. И уж так узда на нем подтянута, что не может он, бедный, на месте стоять. Так и танцует вокруг столба.

А конь увидел старушку и говорит вдруг человеческим голосом:

– Матушка моя милая, подойди ко мне поближе, скинь уздечку, отпусти меня на волю.

Испугалась старушка. Никогда она не слышала, чтобы конь человеческим голосом разговаривал.

– Да ты кто такой? – говорит старушка. – Боюсь я тебя!

А он в ответ:

– Матушка! Ведь я сын твой, ведь это меня ты на базар продавать водила.

Тут признала она его и горько заплакала:

– Виновата я перед тобой, не послушалась твоих слов!..

Потом сняла она с бедняги уздечку и отпустила на волю. Вдруг выскочил на крыльцо сам Ох. А коня уже и не видать и не слышать.

Бросился Ох за ним вдогонку. Прикинулся волком, по следу коня идет. Вот-вот догонит. Да не догнал. Конь охотником обернулся. Схватил охотник дубину и на волка пошел. Вот-вот изловит. Да не изловил. Волк огнем обернулся, жжет охотника, со всех сторон окружает, уйти не дает.

Волк огнем, а охотник – водой прикинулся. Заливает вода огонь, тушит его, к земле прибывает. Да не сбил до конца – огонь щукой обернулся.

Бьет щука по воде хвостом, хочет разметать, разбрызгать воду. А брызги колючими ершами обернулись, снова в воду упали. Гоняется щука за ершами, а те только смеются: «Как щука ни быстра, а не возьмешь ерша с хвоста!»

Тут скинулась щука мелким камнем – сколько было у нее чешуек, столько и камней стало. Перебили те камнями всех ершей. Всех – да не совсем, один жив остался. А этот один обернулся петухом и давай камешки клювом дробить. Все как есть раздробил. Все – да не совсем, один цел остался. А этот один обернулся ястребом – и на петуха.

Да петух уже не петух – могучий орел в небе парит.

Как ударил орел ястреба, тут ему и конец пришел. На клочки разорвал его орел, все косточки ему переломал. А потом обернулся парнем и пошел домой к своей матушке.

И стали они жить-поживать, добра наживать.

Вот и сказка вся, дальше плестись нельзя!

Перевозчик

Корейская сказка (Обработка Н. Гарина-Михайловского)

Жил себе старый перевозчик. Никому не отказывал он в перевозе. Давали ему что-нибудь за это – он брал; не давали – ничего не просил.

Видит раз перевозчик, что через реку плывет курей (толстый змей).

Плыл, плыл и стал он тонуть. Тогда старик поспешил к нему на помощь на своем перевозе и перевез его на другую сторону.

Ничего не сказал курей, только заплакал, и где упали его слезы, там растут с тех пор прекрасные цветы. Они растут и в других местах на земле, но только там, где поливают их слезами.

В другой раз, когда старик сидел у своего перевоза, увидел он, что плывет молодая косуля и тонет.

Поехал старик и перевез косулю на другой берег.

Вышла косуля, ничего не сказала и убежала в лес.

Пошел старик в лес нарвать себе салату на зиму – вдруг выбежал красивый козел и стал рыть ногой землю. Но в это время проходил какой-то прохожий с лопатой, и козел убежал.

– Будь добр, прохожий, покопай в этом месте!

Только три раза копнул прохожий, и стукнула лопата обо что-то.

То было золото.

– Благодарю тебя, – сказал старик. – За твою работу даю тебе половину этого золота.

– Это золото выкопал я, и оно мое, – сказал прохожий.

Стали они между собой спорить, и так как ничего из их споров не вышло, то и решили они идти в город, к судье.

Судья отдал золото прохожему, а старика за вымогательство, избив палками, посадил в колодки.

Ночью приполз к старику курей и укусил его в ногу.

На другой день нога старика так распухла, что уже думали, что умрет он.

Ночью опять приполз к нему курей и дал ему целебных листьев.

От этих листьев на другой день пропала вся опухоль на ноге, и даже след от раны исчез.

А курей в ту же ночь приполз к жене судьи и, так же как и старика, укусил ее за ногу.

На другой день у нее так распухла нога, что уже думали, что умрет она.

Тогда начальник тюрьмы доложил судье, что у старика отчего-то пропала такая же опухоль.

Позвал судья старика и спрашивает:

– Отчего пропала у тебя опухоль?

– Курей мне листья такие принес.

– Где листья?

Показал старик, приложил к ноге жены судьи, и опухоль пропала.

– Почему же курей принес тебе листья?

Тогда рассказал старик, как перевез курей и косулю.

– А косуля что тебе дала?

– Дал ее муж: то золото, которое ты передал прохожему.

Тогда судья послал догнать прохожего, отобрал у него золото, передал старику, а прохожего посадил в колодки.

Сказка о змее и Шиваре

Армянская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил-был царь. Однажды увидел он удивительный сон: будто напало на него великое множество лисиц – большие и маленькие, рыжие и бурые, пушистые и облезлые. Окружили его со всех сторон, трутся у его ног, прыгают, кусаются.

Утром проснулся царь и призвал к себе мудрецов со всего своего царства.

– Хочу, – говорит, – чтобы разгадали вы мой сон. Не разгадаете – казню, разгадаете – с подарками отпущу.

И жил в те времена в той самой стране один человек по имени Шивар, что значит «сбитый с толку». Видно, не зря дано ему было такое имя: до того был он бестолковый, что ничего толком делать не умел.

Узнала жена Шивара, что царь обещает богатую награду тому, кто разгадает его сон, и пристала к мужу: «Иди да иди».

А сама думает: «Если разгадает он сон – хорошо, богатыми станем; не разгадает – тоже хорошо, царь ему голову отрубит. На что мне такой бестолковый муж?»

И как Шивар ни упирался, как ни отказывался, не мог жену переспорить.

Нечего делать, взял он в руку палку, надел через плечо сумку и отправился в путь.

Идет он, идет и вдруг видит – выползла на дорогу из-под большого серого камня змея.

– Куда путь твой лежит, Шивар? – спрашивает змея.

– Сам не знаю, – отвечает Шивар. – Куда ноги несут, туда и путь лежит. Жена послала меня отгадывать царский сон. Да где же мне отгадать? Я и свои-то сны в толк не возьму, а чужие – подавно.

– Шивар, – сказала змея, – я помогу тебе избавиться от беды. Поди к царю и скажи ему так: «Царь, ты хочешь знать, что предвещает сон, который тебе приснился? Недобрый это сон. Лисицы, что окружили тебя, – это лстецы и обманщики, лукавые и коварные люди. Все они здесь, возле тебя. Они хотят твоей гибели. Не доверяйся никому, будь настороже». Так и скажи царю, Шивар. А за то, что я растолковала тебе царский сон, ты должен отдать мне половину тех богатств, которые получишь от царя в награду.

– Будь спокойна, всем с тобой поделюсь, – сказал Шивар и пошел во дворец.

И когда предстал Шивар перед царскими очами, слово в слово повторил он все то, что услышал от змеи.

Царь во всем царь – и в гневе, и в милости.

Придворных мудрецов своих он приказал сейчас же схватить и бросить в темницу – и как раз вовремя, потому что не разгадкой царского сна были заняты их помыслы, а тем, как бы хитростью и обманом избавиться от царя.

А Шивара царь назначил своим рамилдаром – главным толкователем снов – и в знак своей милости дал ему четыре верблюжьих ноши золота.

Едет Шивар домой, смотрит, как покачиваются тяжелые мешки на верблюжьих спинах, и думает: «Спасибо змее. Хорошо, что я повстречал ее. Два мешка с золотом ей отдам, два мне останутся. Весело теперь заживу! И жена больше не будет на меня ворчать».

Проехал он еще немного и опять думает: «Два мешка хорошо, а четыре – еще лучше. Ведь не каждый день такое богатство в руки дается... Да и на что змее золото? Оно у нее без толку лежать будет. А змею обмануть – грех небольшой, другие и не на такой обман идут».

Подумал так Шивар и свернул с прямой дороги. Окольными тропами, в объезд да в обход, добрался до дому.

Да только если человек сбился с прямого пути, все, что он ни делает, вкривь да вкось идет.

Так и с Шиваром.

Прошло три года, и снова увидел царь удивительный сон.

Приснилось ему, будто наполнились все реки и озера кровью, и вся земля напиталась кровью, и на полях выпала кровавая роса.

Думает царь с утра до вечера и с вечера до утра и никак не может додуматься – что его сон значит?

Тут вспомнил он о своем рамилдаре – главном толкователе снов – и велел слугам привести его во дворец.

Отправились царские гонцы во все стороны и скоро нашли хижину Шивара.

Так и затрясся Шивар со страху, когда услышал, зачем зовет его царь.

«Как быть? – думает. – Что делать? Можно бы у змеи разгадку спросить, да разве она теперь скажет? А к царю с пустой головой тоже нельзя являться. Пустая голова – легкая, сразу с плеч покатится... Ну, будь что будет, пойду все-таки к змее. Может, пожалеет она меня – снова выручит из беды».

Подумал так Шивар и пошел к змее.

Только дошел до камня, видит – змея уже выползла и поджидает его.

– Здравствуй, брат Шивар, – говорит змея, – как поживаешь? Знаю я, что ты обманул меня, утаил мою долю золота. Ну, да что с тобой поделаешь, выручу тебя и на этот раз. Царь хочет, чтобы ты растолковал его сон. Ступай же к царю и скажи, что недаром видел он во сне кровавые реки и озера. Пусть скорее соберет большое войско и будет наготове, не то враги кровью зальют его землю. Да смотри, Шивар, на этот раз не забудь принести мне половину даров, которые получишь от царя.

– Твое желание у меня в памяти, будто написано перед глазами, – сказал Шивар и, низко поклонившись змее, пошел к царю.

Вот опять предстал он перед царем и говорит:

– Царь, да будет долгой и счастливой твоя жизнь! Ты хочешь знать, что предвещает твой сон? Недобрый это сон. Враги хотят напасть на твою землю. Прикажи поскорее собрать все твое войско и будь наготове, чтобы не пролилась напрасно кровь твоих подданных.

– Спасибо тебе, Шивар, – сказал царь и тотчас приказал выставить на всех крепостных башнях дозоры, выкатить на крепостные стены все пушки. И как раз вовремя, потому что подошли уже несметные вражьи полчища к его владениям. Подошли и повернули назад, увидев воинов, готовых к бою.

А Шивару царь дал в награду восемь верблюжьих нош золота и с миром отпустил домой.

От такого несметного богатства Шивар последний ум потерял.

«Восемь мешков золота, – подумал Шивар, – больше четырех мешков. Пускай все они останутся у меня. А чтобы змея не требовала своей доли, убью-ка я ее. Ведь всякий другой на моем месте поступил бы так же».

И, нагрузив на верблюдов царский подарок, он направился прямо к большому камню.

Едва только выползла змея ему навстречу, схватил Шивар обеими руками большой камень и что было силы обрушил на змею. Камень-то тяжелый, а толку мало! Лишь кончик хвоста зашиб Шивар змее, а змея увернулась и мигом уползла прочь.

Досада взяла Шивара, что промахнулся он, да пока доехал до дому, обо всем забыл.

И зажил он с тех пор богаче прежнего. Денег не считает, а деньги не убывают!

Так прошло еще три года.

И вот в третий раз увидел царь странный сон.

Приснилось ему, будто сыплется с неба пшеница – дождем сыплется, людей с головой засыпает, дома с крышами покрывает.

Проснулся царь и недолго думая послал за Шиваром.

Так и обмер Шивар, когда пришли за ним царские гонцы.

– Прощай, жена, – говорит. – Пришел мне конец. На этот раз не вернуться мне домой живым.

А потом подумал-подумал и решил про себя: «Пойду я все-таки к змее. Если уж пропадать мне, пусть лучше змея меня убьет, чем царь. Перед ней-то я и вправду виноват».

И опять пошел Шивар к большому камню.

И опять навстречу ему выползла из-под камня змея.

– Здравствуй, Шивар, неразумный мой брат, – сказала змея. – Вижу я, что не зря прозвали тебя Шиваром, ведь и правда совсем ты бестолковый. Как же это не пришло тебе в голову, когда ты в меня камнем запустил, что царю опять может присниться сон? Хорошо еще, что я увернулась от твоего тяжелого подарка. Ну что бы ты стал теперь без меня делать?

– Ах, мудрая моя сестра, – ответил Шивар, – я и сам вижу, что провинился перед тобою, потому и пришел к тебе. Делай со мной что пожелаешь. Хочешь – помоги, хочешь – накажи.

– Нет, Шивар, я не буду наказывать тебя, – сказала змея. – Я помогу тебе и на этот раз избавиться от беды. Иди к царю, Шивар, и скажи ему, чтобы он ничего не боялся. Пшеница, которая сыплется с неба на землю, предвещает изобилие и богатство всему его народу, а ему самому – счастливое царствование до конца дней. Царь щедро наградит тебя, Шивар. Не забудь же принести мне половину даров, которые получишь от царя.

– Твое желание у меня в памяти, будто написано перед глазами, – сказал Шивар. – Да падут все несчастья на мою голову, если я нарушу свое слово.

И, поклонившись змее, пошел к царю.

Обрадовался царь, услышав слова Шивара.

Сейчас же велел он своим слугам выкатить на все городские площади бочки с шербетом, сам пил, Шивара угостил, а потом дал ему из своей казны целый караван золота и с почетом отпустил домой.

Едет Шивар по дороге, напевает веселую песню, а сам думает: «Отдам-ка я все это золото змее. Мне ведь хватит и того, что у меня есть. А змея не будет на меня больше сердиться».

У большого камня остановил он караван и, разгрузив своих верблюдов, кликнул змею. И когда выползла змея, сказал ей Шивар, показывая на мешки с золотом:

– Вот, сестра, получай свою долю. Все это золото – по праву твое.

– Братец, – сказала ему змея, – мне не нужно твоего золота. На что мне богатство? Я ведь только хотела испытать тебя – что ты за человек? Помнишь, когда в первый раз ты получил от царя богатые подарки, ты обманул меня, свернул с прямого пути. Тот год был лисий год, время обмана и лжи. Все лгали, поэтому и ты, слабый человек, обманул меня. Ты поступил так же, как поступали другие, пожалуй, даже хуже других, потому что ты думал, что чужая ложь может прикрыть твою. Второй раз, когда мы повстречались с тобой, был год крови, потому и ты швырнул в меня камнем, пролил мою кровь. Ты поступил так же, как все твои сородичи-люди, пожалуй, даже хуже других, потому что ты думал, что кровь, пролитая другими, скроет кровь, пролитую тобой. Нынче же настал год изобилия, и люди исполнились доброты и щедрости. Поэтому и ты расщедрился. Ты поступил так же, как все, – правда, не хуже, но и не лучше других. Не гордись же своей добротой и хорошенько запомни мои слова: когда другие поступают плохо – будь лучше других, а когда все поступают хорошо – не будь хуже всех.

И, сказав так, змея исчезла.

А Шивар, как побитый, все еще стоял у камня. Стыдно ему было самого себя. Не в радость было ему золото.

Вернулся он домой и, на удивление жены, поделил между всеми соседями царский подарок.

С тех самых пор будто подменил кто Шивара. Слова мудрой змеи глубоко запали ему в сердце. Ни разу, до конца дней своих, не забывал о них Шивар, точно были эти слова и вправду написаны перед его глазами.

Сказка про бедного сапожника

Грузинская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил когда-то в каком-то городе бедный сапожник. За всю свою жизнь не скопил он не то что одного рубля, а даже двух медных монеток. Что днем заработает, то вечером с женой и детьми проест.

По духанам он никогда не ходил, а всегда веселый был, на работу отправлялся – песни пел, с работы возвращался – шутки шутил.

Так и жил, не зная горя и забот.

А правил тем городом хитрый и злой царь.

Вот однажды решил царь посмотреть, как живут его подданные. Надел он платье и все знаки рыночного устабаши¹ и, когда наступил вечер, отправился бродить по улицам.

В окна заглядывает, у дверей подслушивает и, сколько ни ходит, ничего особенного не замечает: кто свои барыши за день подсчитывает, кто убытки оплакивает, кто с женой ссорится, кто детей бранит. Только в одном доме услышал он веселый смех и песни.

Удивился царь и решил посмотреть, что это за люди живут там и отчего им так весело и хорошо.

Постучал он. Открыли ему. Пригласили к ужину. Угощение на столе небогатое, гостей нет, а пир горой идет.

Сидит царь за столом, ест лобио, пьет вино, а от любопытства все у него внутри так и горит: не привык он видеть в своем городе счастливых и довольных людей.

– Прости меня за вопрос, генацвале, – сказал наконец царь, – но очень хочется мне знать, кто ты такой и чем занимаешься, если даже в будний день пьешь и веселишься, словно в праздник.

– Я простой, бедный сапожник, господин, – ответил хозяин. – На рынке у меня есть лавочка. Пройдет кто мимо, я тому сапоги подобью, или чувяки подошью, или ноговицы зала-таю. Днем работаю, а вечером с семьей пирую. Зачем нам праздника ждать? Все дни хороши.

– Ну, а что ты будешь делать, если вдруг закроют лавки?

– О, врагу не пожелаю того, что тогда со мной будет! Голодный останусь, – сказал сапожник. – Но что об этом думать? И какому злему человеку придет в голову закрывать лавки?

Посидел царь у сапожника, попил, поел и ушел.

А наутро разослал он во все концы города своих глашатаев, чтобы объявили они народу его царскую волю.

По случаю праздника приказывает царь закрыть все лавки на базаре, чтобы никто не смел работать, когда царь отдыхает, – ни портной, ни сапожник, ни кузнец, ни брадобрей. Не понимает народ, что за блажь царю в голову пришла, ходят все без дела, ругают царя, а нарушить приказ не смеют.

А царь, чуть только стемнело, опять переделся и опять пошел проведать сапожника.

«Посмотрим-ка, – думает, – так ли ему весело, как вчера, все ли теперь дни для него хороши!»

Приходит, а сапожник как ни в чем не бывало сидит с детьми и женой за столом, пьет, ест, веселится.

– Здравствуй, друг, прошу, дорогой мой, к столу, – сказал сапожник, увидя гостя.

¹ Устабаши – староста, надзиратель.

– Ты, я вижу, пируешь по-прежнему, – сказал царь. – Где же ты деньги взял? Ведь все лавки закрыты. Или ты нарушил приказ царя?

– А, будь он проклят, наш царь, – сказал сапожник. – Из-за него я чуть голодный не остался. У него праздник, а мне лавку закрыли. Что делать? Вышел я на улицу – кому воды принес, кому дров нарубил, кому вещи нести подсобил, вот и заработал немного, вот и у нас праздник. Чем мы хуже царя?

Посидел царь у сапожника, поговорил и ушел. А наутро явился к сапожнику царский слуга и повел беднягу во дворец.

По приказу царя опоясали сапожника тяжелым мечом и поставили у царских дверей.

– Смотри, – говорят, – ни на шаг отсюда не уходи, а меч свой береги пуше глаза.

Целый день простоял на часах бедный сапожник. Вечером пришел домой грустный, расстроенный. Ничего в этот день не заработал. Где теперь денег взять? Как семью накормить?

– Что ты опечалился, дорогой мой? – спрашивает его жена. – Ну что ж, что сегодня мы остались без ужина? Другие по неделям сидят без куска хлеба и то терпят. Так неужто мы одного дня не выдержим?

Сразу повеселел сапожник от этих слов и, чтобы чем-нибудь занять себя и не думать о еде, взял палку и, напевая себе под нос песенку, принялся строгать ее.

Строгал, строгал и видит – стала палка с одной стороны плоской, как меч.

«Ага, – подумал сапожник, – сейчас я сделаю дело! Не буду я из-за этого глупого царя голодным сидеть».

Обстрогал он палку с обеих сторон, один конец заострил, к другому узорчатую рукоятку приделал, и получился у него самый настоящий меч, только деревянный.

Деревянный меч сапожник вложил в ножны, а железный отнес соседу – мянале. Дал тот ему денег, и накупил сапожник и хлеба, и вина, и сала, и баранины столько, что едва домой унес.

– Получай, жена, – говорит, – да благодари царя за богатый ужин.

А царь тем временем опять переоделся и опять пришел проведать сапожника.

«Ну, – думает, – сегодня уж ему не с чего веселиться».

Только ничуть не бывало. Веселее прежнего сапожник, и пир у него богаче прежнего.

Усадил сапожник гостя за стол, смеется, рассказывает своему новому другу.

– Понимаешь, – говорит, – сегодня наш глупый царь заставил меня на часах стоять, покои его сторожить. Простоял я целый день, пришел домой, а дома ни денег, ни хлеба. Вот я и подумал: продам-ка я царский меч, а в ножны деревянный вложу. Как царь узнает?.. А ну-ка, жена, достань мою деревяшку, покажи нашему другу, какой у меня меч.

Принесла жена деревянный меч.

Посмеялись все, поели досыта, попили допьяна, и ушел царь.

А наутро снова явился за сапожником царский гонец.

Снова поставили беднягу у царских дверей.

Стоит сапожник навтыжку, руки по швам, сбоку деревянный меч привешен.

А царь уселся на своем троне и посмеивается.

«Теперь-то, – думает, – он у меня никак не вывернется».

И, чтобы проучить сапожника, придумал царь вот что.

Приказал он позвать своего казначея, и, когда пришел тот, начал вдруг царь кричать на него и ногами топтать, точно казначей и вправду перед ним провинился.

– Изменник, – кричит, – вор, мошенник! Это ты украл золото из моей казны. Да я велю казнить тебя сейчас же!

Казначей даже рот разинул от удивления.

– Да не умрет твой сын! Опомнись, милостивый царь! Какой злой человек подсказал тебе эти слова?

А царь и слушать ничего не хочет.

– Эй, – кричит, – позвать сюда стражу! Пусть сию минуту отрубят голову этому вору!

Привели к царю сапожника.

Отодвинулся царь на своем троне поглубже под балдахин, корону до самых бровей надвинул, мантией до самых глаз закрылся, чтобы сапожник его не узнал, и говорит:

– Руби этому изменнику голову. Он из моей казны мешок золота украл.

– Милостивый царь, – плачет казначей, – клянусь, невиновен я. Пересчитай сам свою казну...

– И считать не буду, – говорит царь, – и слушать тебя не буду, а казнить – казню. Эй, стражник, руби ему голову!

Ума не приложит сапожник, как из беды выпутаться. За казначея-то он не боится, знает, что его голова уцелеет. Получит казначей деревянной палкой по шее – и все тут. А вот как свою голову спасти?

– Великий, милостивый царь, – стал просить сапожник. – Прости и помилуй этого несчастного. Если он и взял что лишнее, так теперь уж, наверное, даже одной золотой монеты не возьмет.

– Нельзя его простить, – отвечает царь. – Пусть все знают, каково царя обманывать. Говорю: руби ему голову, а не то и твоя полетит долой.

Что тут делать?

Возвел сапожник глаза к небу и громко сказал:

– Господи, если не виновен этот человек, сотвори чудо: преврати железо в дерево. Меня от убийства спаси, его – от смерти.

Сказал так – и выхватил меч из ножен.

Смотрят все, а меч деревянный.

Усмехнулся царь.

– Ну, – говорит, – тебя не перехитришь. И хоть обманул ты меня, а за ум я тебя все-таки хвалю.

Наградил он сапожника золотом и серебром и с миром отпустил домой.

– Иди, – говорит, – и живи, как жил.

И зажил сапожник по-прежнему – весело и счастливо. Днем работает, вечером пирует.

Соловей

Татарская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жил когда-то купец. Богато жил. Много было у него всякого заморского добра. Ковры в доме у купца – персидские, посуда у него на столе – китайская, халаты на нем – из Турции, слуги у него – из Индии.

Куда ни поедет купец, отовсюду привезет себе что-нибудь на память.

И жил в доме у этого купца соловей. В клетке жил. В большой, красивой клетке. Стены клетки из серебряных прутьев сплетены, крыша хрустальными плитками выложена, пол золотым песком усыпан.

Ничего не жалел купец для своего соловья.

Каждый день – на заре, в полдень и на закате – слуга приносил соловью студеной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе. И жил себе соловей без горя и забот, припеваючи. А уж петь он был – из всех мастеров мастер.

«Да ведь ему живется у меня лучше, чем на воле», – думал купец, слушая, как весело поет соловей.

Однажды собрался купец по своим торговым делам в чужеземную, заморскую страну.

Узнал об этом соловей и просит купца:

– Послушай, хозяин, ты всегда был добрым со мной, никогда ни в чем мне не отказывал. Исполни же и на этот раз мою просьбу. Ты ведь едешь ко мне на родину. Там, в гранатовом саду, живет вся моя родня, все мои братья и сестры. Пойди к ним, хозяин, и скажи, что я шлю им многое множество поклонов. Да еще скажи, что я жив-здоров и ни на что не жалуясь.

– Хорошо, – сказал купец, – непременно сделаю, как ты просишь.

И отправился в путь.

Вот приехал он в ту заморскую страну, распродал свои товары, накупил разных диковин и, когда кончил все свои торговые дела, пошел разыскивать сад, о котором говорил ему соловей.

Ходил, ходил и пришел наконец в сад редкостной красоты.

Цветов там – видимо-невидимо. Гранатовые деревья точно красной краской выкрашены, столько на них плодов. Воздух кругом сладкий, душистый и словно дрожит весь от соловьиного пения. Куда ни глянь – на каждом дереве, на каждой веточке сидит соловей и звонким голосом выводит свою песню. А уж один так заливается, такой трелью рассыпается, что хочешь не хочешь, а заслушаешься.

«Ну, этот, наверное, сродни моему певцу», – подумал купец и, подойдя к дереву, крикнул:

– Послушай, соловей! У меня дома в серебряной клетке живет твой брат. Он велел передать тебе и всем своим братьям и сестрам многое множество поклонов, да еще велел сказать, что сам он жив-здоров, ест сытно, пьет сладко и ни о чем не тужит.

Услышал соловей эти слова и, точно подбитый, упал на землю.

Не знает купец, что и делать. Нагнулся к соловью, а тот уже не дышит. Крылышки раскинул, клюв разинул, лежит – не шевелится. Мертвый лежит.

«Эх, зря я ему о брате напомнил, – подумал купец. – Видно, очень уж он горевал да скучал по нем... Ну, да теперь беде не поможешь».

Поднял купец мертвого соловья и бросил его подальше в траву.

А соловей, чуть только ударился о землю, так сразу и ожил. Вспорхнул на дерево, защелкал, засвистел и, с веточки на веточку, с дерева на дерево, полетел в глубь сада.

– Куда же ты? Постой! – закричал купец. – Скажи мне, что передать твоему брату? Ведь он ждет не дождется от тебя весточки!

Но соловей ничего ему не ответил и, весело распевая, скрылся в густой зелени.

Печальный приехал купец домой.

– Ну что, хозяин, передал ли ты мой привет? Привез ли мне весточку от родни? – спросил его соловей.

– Твоей родне я все сказал про тебя, – ответил купец, – и привет твой передал, а вот тебе привета – не привез. Видно, твоя родня совсем знать тебя не хочет. Твой брат так даже слушать меня не стал. Чуть заговорил я о тебе, он сразу прикинулся мертвым. И ловко так – крылья раскинул, клюв разинул, нипочем не догадаться, что живой. Ну, я и бросил его подальше в траву. А он вдруг ожил и полетел от меня прочь... Тебе даже спасибо за привет не сказал...

Услышал это соловей и загрустил. Целый день не ел, не пил, голоса не подавал.

А наутро, когда слуга принес соловью студеной воды в перламутровой раковине и отборного зерна на янтарном подносе, соловей мертвый лежал в клетке.

Чуть не заплакал купец с горя.

Уж чего только он не делал, чтобы оживить соловья!

Сам ему воду в клюв вливал, и на солнышке грел, и на траву выносил – очень уж он любил своего певца!

Да только как ни старался купец, а ничего не помогло. Умер соловей.

Тогда позвал купец слугу и велел ему унести мертвую птицу подальше от дома. Слуга так и сделал. Отнес соловья за ограду, куда сваливают всякий мусор, и там бросил.

А соловей, чуть только ударился о землю, сразу ожил, встрепенулся и, весело распевая, закружился над садом.

– Спасибо, хозяин, что привез мне добрый совет! – крикнул он на прощанье купцу и полетел к себе на родину.

Три желания

Эстонская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жили на краю деревни в бедной лачуге старик и старуха. Старика звали Лоппи, а старуху Лаппи.

Детей у них не было. Хозяйства они за всю жизнь себе не нажили. И уж такие они были ворчливые да бранчливые, что дворовая собака и та от них сбежала. С раннего утра до поздней ночи только и было у них дела, что ругаться, друг друга попреками изводить да на судьбу жаловаться.

– Несчастный я, – говорит старик, – неудачливый, жену и то не мог найти хорошую. Была бы у меня жена получше, разве так бы я жил? Заботливая жена и дом в порядке содержала бы, и за мной ходила. Да, не повезло мне, уж так не повезло...

И говорит, говорит, словно дождь по крыше стучит. Ну старуха за словом в карман тоже не лезла и спуску старику тоже не давала. Он – слово, она – десять, он – десять, она – двадцать.

– Это тебе-то не повезло? – набросится старуха на мужа. – Да ты с утра до ночи судьбу должен благодарить, что тебе такая жена, как я, досталась! Это ему-то не повезло! Постыдился бы говорить такие слова! Уж если кому и вправду не повезло, так это мне, несчастной. Не иначе как по девичьей своей глупости я за тебя пошла. А может, ты меня колдовством приворожил или зельем каким опоил? Кто тебя знает! Ведь сколько женихов у меня было – и красивые, и богатые, один другого лучше. И где глаза у меня были, когда я тебя выбрала? Вот зато и доживаю теперь в нищете – ни ложки, ни плошки и в закромах ни крошки. Загубил ты мой век...

Так и сяк честит она старика. И уж никакими силами ее не остановить, несет ее, будто воду в бурливом ручье. Правда, случалось, что Лоппи затыкал все-таки ей рот кулаком.

Однажды сидели Лоппи и Лаппи в своем бедном доме, за пустым столом и, как водится, друг на друге срывали злость.

И вдруг – никто не стучал, и дверь словно бы не открывалась, только видят старики: в лачуге у них гостья. Платье на ней господское, а сама такая ласковая да приветливая.

– Я знаю, – говорит, – вы люди бедные, немало горя видели на своем веку, вот я и хочу вам помочь. Я выполню три ваших желания, стоит вам только их назвать. Да смотрите не торопитесь, не ссорьтесь и не ругайтесь, а подумайте хорошенько – чего бы вы хотели. Даю вам три дня на размышление.

Сказала – и словно сквозь пол провалилась. Дверь не открывалась, калитка не скрипела, а гостья и след простыл. Как не бывало ее.

Лоппи и Лаппи молча смотрели друг на друга и не знали, что и думать о таком чуде.

Наконец Лоппи сказал:

– Пойдем-ка спать. Впереди у нас три дня, успеем обо всем подумать. Тут и вправду дело такое, что торопиться нельзя.

На этот раз Лаппи не стала с ним спорить. Старики улеглись, но полночи не могли заснуть, все думали, какие бы три желания назвать.

Наступил день – старика и старуху будто кто подменил. Лоппи не проклинал судьбу. Лаппи не попрекала мужа бедностью. В лачуге их с утра до ночи была такая тишина, словно никто тут не жил. Кое-кто из соседей даже заглянул к ним. «Что это, – думают, – у стариков так тихо? Может, померли?» А Лоппи и Лаппи молча сидели по углам и думали – что бы им пожелать?

Новый дом? Ну, на что им новый дом? С ним только забот и хлопот не оберешься.

Денег просить? Да долго ли их истратить! А потом опять в бедности живи.

Молодыми снова сделаться? Так ведь все равно состаришься.

День прошел, второй кончился, а Лоппи и Лаппи ничего не надумали.

На третий день решил старик пойти к соседям. Слышал он, что там хозяйка свинью закололи и колбасу варят. Вот старик и решил: попрошу у хозяйки немного колбасного отвара, а Лаппи на нем щи состряпает. От наваристых щей, может, мысли хорошие в голову придут.

Взял он котелок с крышкой и пошел. Налила ему соседка полный котелок колбасного отвара, Лаппи нарубила капусты и поставила котелок в печку – пусть преет.

Вечером, когда пришло время ужинать, Лоппи уселся за стол, а Лаппи вытащила из печки котелок с капустной похлебкой. По всему дому так и пошел запах колбасы. Лаппи бережно поставила дымящийся котелок на стол и налила похлебку в миски.

Съела ложку, другую и принялась ворчать:

– Ну разве это похлебка? Вода водой. Одно название, что колбасная! Вот если бы к ней еще настоящей колбаски...

И только сказала, как – бац! – и на стол упал большой колбасный круг.

Старик сразу понял, что первое их желание уже выполнено, и давай ругать жену:

– Эх ты, пустомеля! Нашла что пожелать! Колбаски бы ей! Да пусть эта колбаса на носу у тебя повиснет, если уж ты...

Но не успел он договорить, как – раз! – и колбаса уже висела на носу Лаппи, да так крепко приросла к носу, что и не оторвать.

Что тут делать! Два желания уже зря пропали!

– Ах ты, старый болтун! – закричала Лаппи. – Ах ты, злодей! Вот ты чего захотел! Нет, недаром я говорю, что ты мне всю жизнь загубил! Пусть эта колбаса пропадет пропадом, чтобы не видели ее мои глаза!..

Ну, как сказано, так и сделано – вмиг колбаса исчезла, словно в воздухе растворилась.

А Лоппи и Лаппи остались ни с чем. И поделом. Пусть не ругаются.

Хитрый Петр и змей

Болгарская сказка (Перевод М. Калягиной-Кондратьевой)

Было время, когда по земле бродили великаны-чудища. У них были громадные огненные крылья и хвосты, а чешуя сияла, как солнце. Жили они в горах, в глубоких пещерах, и, когда летали, становились невидимыми.

Эти чудища назывались змеями.

И вот случился на земле Великий потоп, и все змеи потонули, потому что плавать они не умели, а долго летать по небу не могли – крылья ослабевали. Остался на земле только один змей. Он поднялся на самую высокую гору и ждал, пока воды потопа не стечет в моря, озера и реки. И вот обсохла земля, и змей тронулся в путь. Пришел он в болгарскую землю и поселился в горах, в одной пещере. Подыскал себе в служанки старую ведьму и отправился искать богатырей-юнаков.

А в то время уже родились на свет хитрецы, что побеждали не силой, а разумом.

Шел-шел змей, и повстречался ему однажды такой хитрец. Звали его Хитрый Петр. Вот змей и спрашивает его издалека:

– Эй, человек, ты богатырь-юнак?

– Богатырь, – отвечает Хитрый Петр.

– А в чем твоя сила?

– Возьму в руку камень, стисну – вода потечет.

– Не верю, – говорит змей.

– Давай потягаемся. Только сперва ты возьми камень и стисни.

Змей поднял с земли камень, стиснул его, в порошок искрошил – не течет вода.

– Ну, теперь гляди на меня, – говорит Хитрый Петр.

Нагнулся Хитрый Петр, поднял камень, а другой рукой незаметно вынул из торбы комок свежего творога. Стиснул в руке камень вместе с творогом – потекла вода.

Подивился змей на такую богатырскую силу.

– Ну, ты посильнее меня, – говорит. – Давай побратаемся!

– Давай, – согласился Хитрый Петр.

Побратались. Дальше пошли вместе. Шли-шли, дошли до виноградника. Видят: стоит среди виноградника высокая черешня со спелыми плодами. Змей был великан – рвет спелые черешни с высокого дерева и ест с ладони. А Хитрый Петр вертится вокруг ствола да облизывается – не может достать рукой до веток. Обобрал змей все ветки и наклоняет самую верхушку, чтоб и ее очистить. Тут Хитрый Петр изловчился, поймал одну ветку и принялся рвать черешни. Наелся змей, отпустил верхушку, а Хитрый Петр не успел вовремя выпустить свою ветку да и взлетел на воздух, как птица. Перекувырнулся через черешню и шлепнулся в терновый куст. Под тем кустом дремал заяц. Испугался заяц, выскочил – и тягу.

– Что с тобой, побратим? – спрашивает змей Хитрого Петра.

– Да ничего! Увидел я зайца. «Дай, – думаю, – перепрыгну через черешню да схвачу его за уши». А заяц – наутек. Убежал, проклятый!

Змей еще пуще дивится. Пошли дальше. Шли-шли, добрались до леса. А в лесу полным-полно всякой дичи – и зайцев, и серн, и оленей. Змею захотелось есть. Вот он и говорит Хитрому Петру:

– Давай огородим лес высокой стеной, будем дичь ловить. Поймаем – изжарим и съедем.

– Ну что ж, я не прочь, – отвечает Хитрый Петр.

Засучили рукава, принялись за дело. Змей трудится по-богатырски – целые скалы таскает, одну на другую громоздит, а Хитрый Петр затыкает грязью дырочки между камнями.

Сложили высокую стену, огородили лес. Змей перелез через стену и принялся ловить медведей, волков, лисиц, серн, зайцев – всяких зверей. Ловит и в кучу складывает. А Хитрый Петр куда-то скрылся. Стал змей его кликать. Кликал-кликал, наконец Хитрый Петр показался вдалеке. Немного погодя подошел к змею с двумя малыми птенчиками в руках и говорит:

– Видишь? Я и птиц ловить могу! Не велико уменье ловить тех, кто по земле ходит. А ты попробуй поймай того, кто по воздуху летает!

И вот змей с Хитрым Петром сложили под деревом громадный костер. Змей освежевал дичь, насадил на вертелы сто оленей, двести серн, пятьсот зайцев. Изжарилось мясо, змей и говорит Хитрому Петру:

– Садись, побратим, мясо есть!

Сели. Змей ел по-богатырски, как змеи едят, – по зайцу зараз проглатывал, а Хитрый Петр еле-еле управился с лопаткой молодой серны. Смотрит Хитрый Петр на змея, завидует, хочется ему показать, что и он может есть по-богатырски. И стал он хватать громадные куски мяса. Есть не ест, только за спину себе кидает, когда змей в сторону глядит.

Настал вечер. Змей и говорит Хитрому Петру:

– Пойдем ко мне ночевать.

Пришли они в пещеру. Встречает их ведьма и спрашивает на змеевом языке:

– Это кто такой?

– Мой побратим.

– Что он за птица?

– Юнак. Богатырь, каких мало, – посильней меня будет.

– Чего ж ты его не убьешь?

– А как его убить? – спрашивает змей.

– Заснет он ночью, а ты возьми молот в сто пудов весом да и пристукни его.

Хитрый Петр все языки понимал и язык змеев тоже. Испугался до смерти, но ни слова не проронил. Легли спать, потушили светильник. Тут Хитрый Петр встал с постели, вышел из пещеры, набрал в мешок камней и положил его на свою постель под одеяло, а сам спрятался за дверь и ждет, что будет.

В полночь змей поднялся, схватил стопудовый молот, подошел к постели Хитрого Петра и ну дубасить по мешку. Бьет по камням что есть силы – из камней искры летят. Бил-бил, вернулся к ведьме и говорит:

– Ну, теперь убил! Что правда, то правда: крепок был этот юнак, куда крепче меня, – я его колочу, а из него искры летят.

И змей лег спать.

Наутро откуда ни возьмись появляется Хитрый Петр.

– Доброе утро, побратим!

Змей глаза выпучил.

– Как? Ты еще жив? – дивится змей. – Да ведь я же тебя молотом убил!

Усмехнулся Хитрый Петр:

– Так это ты меня бил? А я думал, меня блоха кусала. Нет, брат, лучше уж ты не трудись меня убивать. Я закаленный.

– Как же ты закалился?

– В кипятке.

– Сделай милость, закали и меня, – просит змей, – ведь мы с тобой побратимы.

– Отчего не закалить, закалю, – отвечает Хитрый Петр, – да только вытерпишь ли.

– Вытерплю! – говорит змей. – Очень уж хочется мне стать таким богатырем-юнаком, как ты.

– Ну что ж, так тому и быть, – говорит Хитрый Петр. – Прикажи своей старухе вскипятить чан воды. Да подкатите сюда бочку.

Подкатили бочку. Змей приказал ведьме налить полный чан воды и развести под ним огонь. Закипела вода, вот Хитрый Петр и говорит змею:

– Ну, юнак-богатырь, лезь в бочку! Буду тебя закалять.

Змей с великой охотой влез в бочку, а Хитрый Петр заколотил ее крепко-накрепко, потом провертел дырку и принялся лить кипяток в бочку. Закричал змей:

– Ой-ой! Побратим, горячо!

– Терпи, побратим, – утешает его Хитрый Петр. – Вытерпишь, закалишься не хуже меня.

Вот Хитрый Петр налил бочку доверху и говорит ведьме:

– Держи его в бочке до вечера – закалится, станет крепче железа. А как солнце зайдет, ты бочку разбей и выпусти его.

Ушел Хитрый Петр и был таков. А ведьма сидит, вечера дожидается. Взмошел месяц, разбила она бочку, видит – змею конец пришел.

С той поры нет больше змеев на земле – все перевелись.

Хромая Молли

Английская сказка (Обработка Е. Чистяковой-Вер)

На одной ферме жили две работницы – Молли и Нелли. Однажды, возвращаясь домой, они услышали шум в хлебном амбаре. Молодым девушкам захотелось узнать, в чем дело. Подойдя к амбару, Молли заглянула в замочную скважину. Вся внутренность амбара была залита ярким светом, и при этом свете молодая девушка увидела множество крошечных хороших человечков с прозрачными крылышками. Они возились в закромах и наполняли пшеничными и ржаными зернами сумочки, висевшие у них на плечах. Впрочем, сумочки эти были так малы, что в них помещалось всего по два-три зернышка.

Молли сразу догадалась, что она видит эльфов – маленьких волшебных обитателей лесов и полей, которые спят в чашечках цветов, пьют росу, качаются на паутинках, но могут награждать людей, сделавших что-нибудь хорошее для них, и наказывать не угодивших им.

– Ах вы, маленькие воры, – сказала она, – погодите, вот я вам!

Она шепотом рассказала Нелли обо всем, что увидела, и попросила подругу помочь ей. Как только первый эльф показался из замочной скважины, девушки схватили его за прозрачные, как у стрекозы, нежные блестящие крылышки. А надо вам сказать, что тот, кто держит за крылышки эльфа, лишает его власти. Молли и Нелли знали это. Маленький эльф гневно отбивался, но, так как в эту минуту у него не было его волшебной силы, он ничего не мог сделать, а, на его беду, остальные лесные духи замешкались в амбаре.

– Отпусти меня, – сказал эльф голосом тоненьким, как жужжание мушки в летний день.

– Ах ты, маленький воришка, – ответила ему Молли, – отпустить тебя! А зачем вы крадете рожь и пшеницу нашего хозяина? Вы крадете, а нас бранят за то, что мы тратим много зерна...

– Отпусти, – опять пропищал эльф.

Молли оглянулась. Она не увидела поблизости ни одного эльфа и решила, что ей можно еще немного поторговаться с маленьким пленником.

– Ну, мы отпустим тебя, какая же польза будет нам от того, что мы поймали за крылышки лесного духа? Ведь поймать эльфа непросто, и это нечасто удается людям. Так неужели же отпустить тебя без всякого выкупа? – сказала Нелли.

– Только отпустите меня, – проговорил эльф, – и вы не будете жалеть об этом. Но вот что: каждый день ставьте возле вашего порога по две чаши с водой. Мы будем выпивать воду или уносить ее к себе домой для поливки наших растений, а вы на рассвете берите то, что окажется в чашах. Только никогда не забывайте ставить чаши с водой. Мы хорошо платим за услуги, но жестоко наказываем забывчивых и ленивых. Да, вот еще что: если вы будете аккуратно ставить нам воду, мы вдобавок ко всему перестанем таскать у вашего хозяина зерно: нам достаточно будет дела и с водой.

– Ну ладно, лети себе на свободу, – в один голос сказали Молли и Нелли и отпустили крылатого духа.

Он взмахнул своими серебристыми крылышками и скрылся в темноте ночи. В ту же минуту из замочной скважины вылетел целый рой крошечных эльфов: все они светились, как маленькие яркие светлячки, и беззвучно трепетали сверкающими прозрачными нежными крылышками.

Девушки пошли спать. На следующий же вечер они поставили у порога две чаши с чистой водой, а утром нашли в них две серебряные монеты. С тех пор они аккуратно исполняли обещание, данное эльфам, и на рассвете получали награду.

Так продолжалось какое-то время. Но однажды Молли и Нелли отправились на деревенский праздник, долго танцевали там и очень устали. Они вернулись домой поздно и сразу легли спать, забыв на этот раз поставить эльфам воду. Молли тотчас же заснула, а Нелли лежала с открытыми глазами, вспоминая о том, как она веселилась на деревенском балу.

Вдруг возле закрытой двери комнаты девушек послышались жужжание и какой-то негромкий ропот². Нелли приподнялась на постели и прислушалась. Вскоре она различила целый хор тоненьких голосков эльфов, которые жаловались на леность и забывчивость девушек, говорили, что им очень нужна вода именно в этот день, так как от летнего зноя в лесу засохли все незабудки и кукушкины слезки.

Нелли вскочила с постели и принялась будить подругу, говоря:

– Вставай, Молли. Мы забыли поставить эльфам воду, и они выются возле нашей двери, плачут и упрекают нас за леность и забывчивость.

– Ах, оставь меня! Мне так хочется спать, – ответила Молли. – Иди, ставь воду, если тебе хочется, я же не шевельнусь, даже если сюда слетятся все эльфы Англии.

Нелли поставила чашу с водой у порога. Потом она вернулась в комнату и со спокойной совестью легла в постель. Молли в это время заснула крепким сном. Нелли все еще не спалось. И вот она опять услышала, что возле двери зажужжали тонкие голоски, но на этот раз они были не жалобные, а серьезные и даже сердитые. Эльфы совещались между собой, как им наказать ленивую и нелюбезную Молли.

Одни предлагали накинуться на нее и приняться щипать ее руки и лицо, другие желали испортить ее новую лиловую шляпку с завязками, третьи – послать ей зубную боль. Какой-то эльф придумал сделать ее нос ярко-красным, но другие нашли, что это слишком жестокое наказание для такой хорошенькой девушки. Наконец на совете было решено, что Молли делается хромой на семь лет.

Кроме того, эльфы дали ей возможность вылечиться в самом скором времени, приложив к ноге траву, название которой они произнесли. Нелли, слушавшая все это, ясно различила название лечебного растения, состоявшее из целых семи слогов. Она хотела хорошенько запомнить его, найти траву и таким образом вылечить хромую подругу. Несколько раз повторила она длинное и трудное слово и, думая, что хорошо запомнила мудреное название, заснула, а наутро совсем забыла его. Как она ни ломала голову, каких слов ни придумывала – настоящее название не приходило ей на ум.

Молли сильно хромала, но с этих пор она заботливо и аккуратно ставила свою чашу воды у порога. Иногда, чтобы умиловить эльфов, она, кроме того, клала на порог сот меда, ложечку варенья, кусочек сахару, несколько зерен ржи, ячменя или пшеницы. Утром обе девушки находили в чашах серебряные монеты, но нога Молли не поправлялась.

Так прошел год. Наступил июль. Стояли жаркие тихие дни. Все луга и опушки лесов пестрели чудными цветами. Однажды Молли по поручению своего хозяина понесла яйца на продажу в соседний городок. Хромая девушка ходила медленно, и ей пришлось возвращаться домой вечером. Солнце заходило, Молли торопилась, но не успела вернуться домой раньше сумерек. Стало темно. Над землей потянулся легкий туман, и вот, проходя через большой цветущий луг, Молли в полусумраке увидела, как из маков, колокольчиков, васильков, маргариток, ромашек и иван-чая стали роем вылетать маленькие крылатые существа.

«Эльфы», – подумала она и, с грустью взглянув на свою ногу, пошла дальше.

² Ропот – недовольство, выражаемое негромкой речью, в неясной форме.

Вдруг возле ее уха что-то зазвенело, и она почувствовала нежное прикосновение к щеке. Она оглянулась и увидела, что вокруг летают маленькие эльфы, слегка освещенные серебряными лучами поднимавшейся над землей луны.

– погоди, Молли, – сказал один из них, – постой здесь. – И он улетел в лес.

– Благодарим тебя, Молли, за мед, – пропели голоса.

– Благодарим тебя за сахар, – пропищали вторые.

– Благодарим за варенье, – прозвенели третьи.

– погоди, погоди, – закричал целый хор тонких голосков, – наш старший брат эльф Крольф сейчас поможет тебе в беде.

Из леса вылетели четыре громадные ночные бабочки, которые в лапках несли невиданный странный цветок темно-лилового цвета. В его чашечке сидел удивительно красивый эльф, немного покрупнее, чем все остальные, с четырьмя прозрачными крылышками на спине и с маленькой красивой коронкой на светло-золотистых волосиках.

– Крольф! Крольф! – запели эльфы.

В эту минуту эльф Крольф вылетел из цветка. Своими маленькими ручками он взял его из лапок бабочек, с веселым лицом подлетел к Молли и, глядя ей прямо в глаза, сказал длинное название цветка из семи слогов.

Такого удивительного слова Молли никогда не слыхала, а потому тотчас же и забыла его. Между тем Крольф спустился в траву и положил фиолетовый цветок на ступню ее хромой ноги. В ту же минуту молодая девушка услышала:

– Выздоровела, выздоровела!

Крольф сел на одну из бабочек, приветливо махнул Молли рукой и улетел. За ним, извинаясь длинной вереницей, улетели и остальные эльфы. Молли осталась одна.

Совсем здоровая, не хромая, она вернулась домой. Нечего и говорить, что с этого времени ни Молли, ни Нелли никогда не забывали об эльфах. Обе они ставили им воду, а утром получали от них новые чистенькие серебряные монеты.

Черепаша и скорпион

Узбекская сказка (Пересказ А. Любарской)

Жила на свете черепаха. Это была старая, мудрая черепаха. Много она на своем веку видала, а чего не видала – про то слыхала.

Однажды ползла черепаха по дороге.

Вдруг из-за камня высунулся скорпион. Увидел черепаху и говорит:

– Эй, подруга! Ты куда? И я с тобой! В пути с товарищем всегда веселее.

Черепаша подумала:

«Уж если скорпион привязался – от него не отделаться. А в пути и вправду вдвоем лучше».

– Что ж, – говорит черепаха, – идем! Будешь моим товарищем!

Вот и отправились они вместе – черепаха и скорпион.

Ползли, ползли и добрались до берега реки. Черепахе вода не помеха. Вошла она в воду и поплыла – то нырнет с головой, то всплывет на поверхность.

На середине реки оглянулась черепаха – а спутника ее нет.

Посмотрела она на берег и видит: скорпион закинул хвост на спину и мечется по берегу туда-сюда. А войти в воду не смеет.

– Эй, друг! – крикнула ему черепаха. – Почему ты не плывешь за мной?

Тут скорпион и признался:

– Ах, подруга, ведь плавать-то я не умею!

Черепаша подумала: «Что там ни говори, а он был моим дорожным товарищем. А товарища бросать не годится. Я должна помочь ему переправиться через реку».

И черепаха повернула назад.

Она гребла лапами, как веслами, и быстро подплыла к берегу.

– Садись ко мне на спину, – сказала она скорпиону. – Но только, смотри, сиди спокойно, не шевелись, а не то тебе же будет хуже!

– Ну что ты! Разве я себе враг! – сказал скорпион и взобрался на спину черепахи.

А черепаха снова вошла в воду и поплыла.

Проплыла немного, и вдруг стало ее качать из стороны в сторону, будто ветер поднялся и волну нагоняет. Только ветра никакого не было – это скорпион у нее на спине взад-вперед ползает.

– Эй, приятель! – окликнула его черепаха. – Ты что на месте не сидишь? Так и опрокинуться можешь!

– Правду говоришь ты, – сказал скорпион и тяжело вздохнул. – Я и хотел бы сидеть на месте, да вот ведь беда – меня так и тянет воткнуть в тебя жало. Такая уж у нас, скорпионов, привычка. На чем сидишь, то и ужалишь.

– Ну, твое жало для моего панциря – все равно что маленькая колючка для каменной стены, – сказала черепаха и поплыла дальше.

Еще немного проплыла, и опять скорпион заерзал на ее спине.

– Послушай, – сказала черепаха, – мы ведь с тобой товарищи, а разве это дело – втыкать жало в спину своего товарища?

– Твои слова справедливы, – сказал скорпион, – но я ничего не могу с собой поделать. Ведь я скорпион, а скорпиону все равно кого ужалить – товарища или врага. Не сердись на меня. Так уж я устроен! – И он снова принялся долбить своим жалом спину черепахи.

– Да разве я сержусь? – сказала черепаха. – У каждого свои привычки! Я, например, очень люблю нырять и тоже ничего не могу с собой поделать: меня словно кто тянет вниз, на самое дно. Уж ты не сердись на меня!

С этими словами черепаха нырнула, а скорпион захлебнулся и утонул.

Черная лисица

Аварская сказка (Пересказ А. Любарской)

В незапамятные времена, в неведомой земле, в неизвестном месте жил юноша по имени Гамзат. Родни-друзей у него не было, все добро его в сумке помещалось, и решил он пойти по белу свету – друзей поискать, родню завести, богатство раздобыть. Решил – и пошел.

Шел он, шел, вот уже позади остались широкие долины, глубокие ущелья, просторные степи. И пришел он наконец к берегу моря.

Видит – на песке лежит громадная рыба. Бьет она хвостом и плавниками изо всей силы, а в воду сползти не может. И умирать не умирает, и жить не живет.

«Ну и повезло мне, – подумал юноша. – Такая добыча досталась!»

Подбежал он к рыбе и хотел уже заколоть ее, как вдруг заговорила рыба человеческим голосом:

– Не убивай меня, Гамзат! Столкни меня в море – в день беды я пригожусь тебе, сослужу тебе службу.

– Как же я найду тебя в день беды? – говорит Гамзат.

– А вот как, – отвечает рыба. – Срежь один мой ус и спрячь хорошенько. А случится беда – приди на берег и сожги его. И не успеет он сгореть, как я выплыву к тебе, где бы ни была, в каких бы морях ни плавала.

Гамзат так и сделал: срезал рыбий ус, спрятал его за пазуху, а рыбу в воду толкнул. И дальше в путь отправился.

Шел он, шел, много ли шел, мало ли шел, и пришел в лес.

Долго блуждал Гамзат по лесу и вдруг видит – мечется в лесной чаще могучий олень. Одна нога его в расщелине пня застряла. Рвется олень, дергается, и на месте не стоит, и с места сойти не может.

«Везет мне сегодня», – подумал Гамзат и уже за ружье взялся.

Но тут вдруг заговорил олень человеческим голосом:

– Не убивай меня, Гамзат. Избавь меня от беды. А если к тебе придет беда – и я сослужу тебе службу, заплачу тебе добром за добро.

– Как же найду я тебя, когда придет ко мне беда? – говорит Гамзат.

– А вот как: вырви из моей шерсти один волосок и спрячь его. И когда понадобится я тебе, сожги этот волос. И где бы ни был я, хоть за тридевять земель, я сразу явлюсь перед тобой.

Послушал Гамзат оленя. Вырвал волосок из его шерсти и отпустил оленя на волю.

А сам опять ни с чем пошел дальше.

Шел он, шел и видит: стоит в лесу громадный дуб, ветвями прямо в небо упирается. На самой вершине дуба орлиное гнездо висит, в гнезде орлята пищат, а по стволу ползет к ним страшный змей.

Тут и раздумывать не стал Гамзат. Подскочил к дереву и разрубил змея надвое.

А птенцы, хоть и видят, что змей на земле мертвый лежит, кричат Гамзату:

– Не уходи, добрый Гамзат, побудь с нами, пока наша мать не вернется с охоты!

Пожалел Гамзат птенцов, взобрался на дерево, сидит, сторожит орлят, чтобы им страшно не было.

Вдруг потемнело кругом, зашумели, закачались деревья.

Взглянул Гамзат на небо, видит – это орлица летит к своему гнезду.

Взмахнет орлица крыльями – ветер поднимется, раскинет крылья – тучи соберутся.

А когда села орлица на дерево, весь лес к земле приклонился.

Посмотрела орлица на юношу и сказала:

– Пернатое племя на сто верст не подлетает к моему гнезду. Скажи мне, кто ты таков, откуда пришел – с неба ли спустился или с земли поднялся?

Но не успел Гамзат еще рта открыть, запищали, заговорили птенцы:

– Он убил змея, который хотел нас задушить. А сюда подняться мы сами его просили. Нам одним страшно стало.

Опять посмотрела орлица на Гамзата и сказала:

– Еще ни одному человеку не говорила я «спасибо», а тебе говорю.

Потом вырвала она из своей груди перо и дала Гамзату.

– Возьми это перо. Когда придет к тебе беда, сожги его, и, где бы я ни была, хотя бы за семью небесами летала, я тотчас явлюсь к тебе.

Спрятал Гамзат перо за пазуху, туда, где лежали рыбий ус и оленья шерстинка, попрощался с орлицей и орлятами и спустился вниз.

Все дальше и дальше идет Гамзат. Вот и лес кончился, вышел Гамзат в широкое поле.

Вдруг видит – прямо на него бежит черная лисица, а за нею гонится стая борзых.

Хотел было Гамзат пристрелить лисицу, но взмолилась она человеческим голосом:

– Не убивай меня, Гамзат, спрячь от собак, а если за тобой когда-нибудь погонится беда, тогда я спрячу тебя от беды.

– Ладно, – говорит Гамзат, – залезай в мою сумку.

Подождал Гамзат, пока стая борзых пронеслась мимо, и выпустил лису.

А она говорит ему:

– Выдерни, Гамзат, один волосок из моей шерсти и, когда я понадобится тебе, сожги его.

Гамзат так и сделал: вырвал один волосок из шерсти лисицы, положил за пазуху и пошел своей дорогой.

Много ли шел, мало ли шел, и дошел он до какого-то города. Посреди города стоит дворец, железным забором обнесенный, и на каждый шест человеческая голова насажена.

А людей нигде и не видно, и не слышно.

Ходил-ходил Гамзат по городу и наконец постучался в какой-то дом.

Вышла к Гамзату старая-престарая старуха.

– Не примешь ли гостя? – спрашивает Гамзат.

– Почему не принять? Приму, – отвечает старуха.

– А скажи-ка, бабушка, – спрашивает опять Гамзат, – что за дворец стоит, железными шестью огороженный, и чьи это головы на железные шесты насажены?

– Э, издавека же ты пришел, если ничего не знаешь, – сказала старуха. – Ну, так слушай меня. У нашего царя есть дочь. Ни за кого не хочет она замуж – ни за богатого, ни за храброго, ни за красивого, ни за удалого, – а за того хочет, кто сумеет от нее спрятаться. До трех раз дозволяет она прятаться, и кого три раза найдет, тому голову отрубит и голову на кол насадит. Много юношей из-за нее погибло, а мужем ее никто не стал.

– Пусть будет что будет, – сказал Гамзат. – Пойду и я свататься к ней.

– Не ходи, сын мой, – сказала старуха, – кто делает то, чего не следует, тот беду на себя накличет. Под землей ли, на небе ли – где бы ты ни спрятался, – она повсюду тебя разыщет. Пропадешь ни за что, как другие пропали.

– Что ж, – говорит Гамзат, – почему бы и мне не испытать то, что другие испытали?

И отправился во дворец.

Пришел да как закричит громким голосом:

– Царь! Выходи на зятя посмотреть!

Царь услышал и говорит дочери:

– Иди, дочь моя, дай ему ответ.

Поднялась царевна на башню и говорит:

– Слушай меня, юноша! Если хочешь жениться на мне, покажи сначала свой ум и ловкость, спрячься от меня хорошенько. Если не найду тебя – значит, ты нашел жену. А если найду – значит, нашел ты смерть. До трех раз позволю тебе прятаться, а там уж на себя пеняй. Ну что, согласен?

– Согласен, – говорит Гамзат.

А сам пошел на берег моря, вынул из-за пазухи рыбий ус и сжег.

И тотчас вынырнула к нему со дна моря громадная рыба.

– Зачем зовешь меня, Гамзат? – спрашивает.

Говорит ей Гамзат:

– Не спрячешь ли ты меня куда-нибудь, да так, чтобы не нашла меня царевна?

– Что ж, спрячу, – говорит рыба. – Лезь ко мне в брюхо. – И разинула пасть.

Спрятался Гамзат в рыбьем брюхе, а рыба нырнула на самое дно и легла брюхом на песок.

Стоит царевна на высокой башне, вниз глядит, вверх глядит, во все четыре стороны глядит – нигде юношу не видит.

А Гамзат сидит в рыбьем брюхе и усмехается.

Да, на его беду, проплывал мимо окунек, не утерпела рыба, разинула пасть. Тут царевна и увидела Гамзата.

– Выходи, выходи! – закричала она. – Вижу тебя! Ты в рыбьем брюхе спрятался! Прячься второй раз.

Что делать! Выбрался Гамзат из рыбьего брюха, достал оленью шерстинку и сжег ее.

И в тот же миг прибежал к нему олень.

– Какая беда случилась с тобой, Гамзат? – спрашивает.

– Беда еще впереди, – говорит Гамзат. – Не быть мне живым, если ты не спрячешь меня от глаз царевны.

– Садись ко мне на спину, – сказал олень. – Спрячу тебя!

Вскочил Гамзат на оленя, ухватился за его рога, и понес его быстроногий олень через семь гор, через семь ущелий, в скалистую пещеру. Спрятал его в глубине пещеры, а сам у входа лег, своим телом загородил.

Смотрит царевна со своей башни и вниз и вверх, и туда и сюда – нигде нет Гамзата.

«Теперь-то ей не найти меня!» – радуется Гамзат.

И вдруг пролетел мимо оленя комар, запищал, зажужжал и сел оленю на голову. Не утерпел олень, махнул головой, и приоткрылась щелочка в пещеру.

Тут сразу и разглядела царевна Гамзата.

– Выходи! Выходи! – кричит. – Вижу тебя! Ты в пещере! Еще один раз остается тебе прятаться, а потом отрублю тебе голову и на шест посажу.

Вышел Гамзат из пещеры.

«Ну, – думает, – рыба меня не выручила, олень не выручил, может, орлица выручит».

Достал из-за пазухи перо орлицы и сжег его.

И в ту же минуту с неба слетела к его ногам орлица.

– Ты повсюду летаешь, – сказал ей Гамзат, – не знаешь ли места, где бы мне от царевны спрятаться?

Подхватила его орлица на спину и понесла через все семь небес, в самую середину черной тучи. Такая там тьма, что сам себя Гамзат не видит.

Смотрела царевна, смотрела – и вниз и вверх, и вправо и влево, и вперед и назад, – нет нигде Гамзата. И вдруг поднялся ветер, развеял тучу, и увидела царевна Гамзата.

– Нашла тебя, нашла! – закричала она. – Вот ты где, на крыльях у орлицы, на седьмом небе!

Нечего делать! Пришлось Гамзату спуститься с неба на землю.

Приходит он во дворец, а там уже палач секиру для него готовит.

Жалко Гамзату своей головы. Стал он просить царевну:

– Позволь мне еще раз спрятаться!

Подумала царевна, подумала и говорит:

– Не пристало царской дочери свое слово нарушать. Ну, да так и быть! Покажи мне еще раз свою ловкость. А мой палач подождет немного. Получше секиру наточит!

Вышел Гамзат в поле, достал волосок из лисьей шерсти и сжег его.

И сразу прибежала к нему лисица.

– Что хочешь от меня, Гамзат? – спрашивает.

Рассказал ей Гамзат о своей беде.

– Если ты не выручишь меня, – говорит, – никто не выручит. Развяжи-ка мешок своих хитростей и спрячь меня так, чтобы не нашла меня царевна.

Ну, лиса и есть лиса.

Обернулась она чужестранным купцом-разносчиком, Гамзата в блоху превратила и говорит:

– Слушай, что скажу: стану я ходить перед дворцом, товар свой расхваливать, царевна меня и позовет наверх. И пока будет она парчу-самоцветы перебирать, ты прыгни на царя да где-нибудь в складках его платья и притаись. Клянусь своей лисьей честью, что не найдет тебя царевна.

Так все и случилось.

Смотрела царевна со своей башни и вверх и вниз, и вправо и влево, и вперед и назад, – нигде Гамзата нет.

А тут вдруг подошел к дворцу купец с целым коробом товаров. Ходит около дворца и кричит:

– Кому парча нужна? Кому сафьяны? Кто самоцветы купит? Самые лучшие! Самые красивые! Блестят, как солнце! Светятся, как луна!

Не утерпела царевна, позвала купца наверх, стала выбирать себе заморские украшения. А Гамзат тем временем прыг из короба – и прямо на царя.

Ушел купец. Снова принялась царевна высматривать Гамзата.

За семью небесами его видела, на дне морском видела, под землей видела, а рядом с собой не видит.

– Ну как, дочь моя, нашла Гамзата? – спрашивает царь.

– Нет, батюшка, – отвечает царевна. – Нет его нигде, не найти мне его.

И только сказала, блоха прыг на пол и обернулась Гамзатом.

– Раз не нашла ты своего жениха, – говорит Гамзат, – значит, я свою невесту нашел.

Что тут долго толковать? Сейчас же стали в медные барабаны бить, из пушек стрелять, дудки заиграли, зурны загудели, – пусть все знают: Гамзат женится на царской дочери!

Печальный на той свадьбе развеселился, голодный насытился, а я оставил всех за едой и питьем, за пляской и пеньем и к вам пришел, чтобы эту сказку рассказать.